

Константин Константинович Случевский

Полное собрание стихотворений

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176051*

Аннотация

«... Менее всего Случевский был художник. Он писал свои стихи как-то по-детски, каракулями, – не почерка, а выражений. В поэзии он был косноязычен, но как Моисей. Ему был нужен свой Аарон, чтобы передавать другим божеские глаголы; он любил выступать под чужой маской: Мефистофеля, „одностороннего человека“, духа („Посмертные песни“), любил заимствовать чужую форму, хотя бы пушкинской поэмы. Когда же, в „Песнях из уголка“ например, он говорил прямо от себя, все у него выходило как-то нескладно, почти смешно, и вместе с тем часто пророчески сильно, огненно ярко. В самых увлекательных местах своих стихотворений он вдруг сбивался на прозу, неуместно вставленным словом разбивал все очарование и, может быть, именно этим достигал совершенно особого, ему одному свойственного, впечатления. Стихи Случевского часто безобразны, но это то же безобразие, как у искривленных кактусов или у чудовищных рыб-телескопов. Это – безобразие, в

котором нет ничего пошлого, ничего низкого, скорее своеобразие,
хотя и чуждое красоты. ...» (*В. Брюсов*)

Содержание

Ранние стихотворения	12
Ночь	12
«Я видел свое погребенье...»	14
В мороз	16
Из Гейне	17
На кладбище	19
«Ходит ветер избочась...»	21
«Ночь. Темно. Глаза открыты...»	23
Думы	24
«Да, я устал, устал, и сердце стеснено...»	24
«Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед...»	25
Невменяемость	27
Нас двое	28
«Когда бы как-нибудь для нас возможным стало...»	29
«За то, что вы всегда от колыбели лгали...»	30
В больнице всех скорбящих	31
LUX AETERNA[1]	32
В Киеве ночью	33
На публичном чтении	35
«Я задумался и – одинок остался...»	36
Будущим могиканам	37

«Кто вам сказал, что ровно половина...»	38
«Где только крик какой раздастся иль стенанье...»	39
«Где только есть земля, в которой нас зароют...»	40
«Край, лишенный живой красоты...»	41
На судоговоренье	42
Воплощение зла	44
В костеле	47
На рауте	48
В театре	49
«Да, трудно избежать для множества людей...»	50
Женщина и дети	51
«Будто месяц с шатра голубого...»	51
«Ты сидела со мной у окна...»	52
«О, в моей ли любви не глубоко...»	53
«Мне ее подарили во сне...»	54
Невеста	55
«Я ласкаю тебя, как ласкается бор...»	56
«Тебя он в шутку звал старушкой...»	57
В бурю	58
«Вот она, моя дорога...»	59
«В костюме светлом Коломбины...»	60
«Во всей красе, на утре лет...»	61
«В красоте своей долго старея...»	62
«Часть бесконечности – в прошлое год	63

закатился...»	
«Слышишь: поют по окрестности птицы...»	65
Облик песни	66
Колыбельная песенка	67
Не может быть	68
«Словно как лебеди белые...»	69
Песня лунного луча	70
«О, если б мне хоть только отраженье...»	71
«Погас заката золотистый трепет...»	72
«Ты нежней голубки белокрылой...»	73
«Когда, приветливо и весело ласкаясь...»	74
«Я люблю тебя, люблю неудержимо...»	75
Разлука	76
«Не погасай хоть ты, – ты, пламя золотое...»	77
«Весла спустив, мы катились, мечтая...»	78
«Возьмите всё – не пожалею...»	79
Из чужого письма	80
Приди!	82
Лирические	84
«Дай мне минувших годов увлечения...»	84
Бандурист	86
Разбитая шкуна	88
«Наш ум порой, что поле после боя...»	90
«В немолчном говоре природы...»	91
Кариатиды	92
На мотив Микеланджело	93

Миф	94
На плотине	95
Карфаген	96
Ночь и день	98
«В душе шел светлый пир. В одеждах золотых...»	100
Молодежи	101
«Шли путем неведомым...»	102
«По небу быстро поднимаясь...»	103
Подле сельской церкви	104
Камаринская	105
Спетая песня	106
Про старые годы	107
«Где нам взять веселых звуков...»	108
«Ох! Ответил бы на мечту твою...»	109
Прежде и теперь	110
1	110
2	111
3	111
4	112
«Когда обширная семья...»	114
«Нет, жалко бросить мне на сцену...»	115
Старый божок	117
«О, не брани за то, что я бесцельно жил...»	118
На чужбине	120
«Вдоль бесконечного луга...»	122

«Мне грезились сны золотые...»	123
Искусственная развалина	124
Мгновения	126
«Каждую весною, в тот же самый час...»	126
Зернышко	127
«Что вы, травки малые, травки захудалые...»	128
«Градины выпали! Счета им нет...»	129
«Последние из грез, и те теперь разбились...»	130
«Из твоего глубокого паденья...»	131
Кукла	132
«Где бы ни упало подле ручейка...»	133
«Рано, рано! Глаза свои снова закрой...»	134
«Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...»	135
«Он охранял твой сон, когда ребенком малым...»	136
Черноземная полоса	137
«Полдневный час. Жара гнетет дыханье...»	137
«Сколько мельниц по вершинам...»	139
«Помню пасеку. Стояла...»	140
«В отливах нежно-бирюзовых...»	141
«Утихают, обмирают...»	142
«Чернеет полночь. Пять пожаров...»	144
«Есть, есть гармония живая...»	145
«По крутым по бокам вороного...»	146
«Заросилось. Месяц ходит...»	147
«Устал в полях, засну солидно...»	148

«По завалинкам у хат...»	149
«Гром по лесу. Гуляет топор...»	150
«Выложен гроб лоскутками...»	151
«Нет ограды! Не видать часовни...»	152
Мурманские отголоски	153
«Будто в люльке нас качает...»	153
«Цветом стальным отливают холодные...»	155
«Перед бурей в непогоду...»	156
«След бури не исчез. То здесь, то там мелькают...»	158
«Здесь, в заливе, будто в сказке...»	159
«Доплывешь когда сюда...»	160
«Снега заносы по скалам...»	162
«Какие здесь всему великие размеры...»	164
«Здесь, говорят, у них порой...»	165
«Взобрался я сюда по скалам...»	167
«Из тяжких недр земли насильственно изъяты...»	168
«Хоть бы молниям светиться...»	169
«Когда на краткий срок здесь ясен горизонт...»	170
Из природы	171
На реке весной	171
Рассвет в деревне	172
«Старый плющ здесь ползет...»	173
В листопад	174

Мало свету	176
Снега	177
Тучи и тени	178
Осенний мотив	179
Утро	180
Жальник	181
Утро над Невою	183
Наши птицы	185
Прощание лета	187
Мефистофель	188
1. Мефистофель в пространствах	188
2. На прогулке	190
3. Преступник	192
4. Шарманщик	193
5. Мефистофель, незримый на рауте	195
6. Цветок, сотворенный Мефистофелем	198
7. Мефистофель в своем музее	200
8. Соборный сторож	203
9. В вертепе	205
10. Полишинели	207
Из дневника одностороннего человека	209
«Из Каира и Ментоны...»	209
«Да, нынче нравятся „Записки“, „Дневники“...»	210
«Что, камни не живут? Не может быть! Смотри...»	211

Константин Случевский

Полное собрание стихотворений

Ранние стихотворения

Ночь

Есть страшные ночи, их бог посылает
Карать недостойных и гордых сынов,
В них дух человека скорбит, изнывает,
В цепи несловимых, томительных снов.
Загадочней смерти, душнее темницы,
Они надавлиют бессильную грудь,
Их очерки бледны, их длинны страницы —
Страшимся понять их, к ним в смысл заглянуть.
А сил не хватает покончить мученья,
Ворочает душу жестокая ночь,
Толпой разбегаются, выются виденья,
Хохочут и дразнят, и прыгают прочь.

Затронут на сердце все струны живые,

Насилу проснешься, – все тихо во мгле,
И видишь в окошке, как тени ночные
Дозором гуляют по спящей земле.
Стена над кроватью луной серебрится,
И слышишь, как бьется горячая кровь,
Попробую спать я, авось не приснится,
Чудовищный сон тот не выглянет вновь.
Но тщетны надежды, плетутся мученья,
Ворочает душу жестокая ночь,
Толпой разбегаются, выются виденья,
Хохочут и дразнят, и прыгают прочь.

Но ночь пролетела, восток рассветает,
Рассеялись тени, мрак ночи исчез,
Заря заалела и быстро сметает
Звезду за звездой с просветлевших небес.
Проснешься ты бледный, с померкнувшим взором,
С души расползутся страшилища прочь;
Но будешь ты помнить, как ходят дозором
Виденья по сердцу в жестокою ночь.

«Я видел свое погребенье...»

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил неспроставшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумьи
Мой сморщенный лоб целовала
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумьи, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дикоблуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

В мороз

Под окошком я стою
И под нос себе пою,
И в окошко я гляжу,
И от холода дрожу.

В длинной комнате светло,
В длинной комнате тепло.
Точно сдуру на балу,
Тени скачут по стеклу.

Под окошками сидят,
Да в окошки не глядят,
Знать, на улицу в окно
И глядеть-то холодно.

У дверей жандарм стоит,
Звонкой саблей стучит,
Экипажи стали в ряд,
Фонари на них горят.

А на небе-то черно,
А на улице темно.
И мороз кругом трещит...
Был и я когда-то сыт.

Из Гейне

В ночь родительской субботы,
Трое суток пропостившись,
Приходил я на кладбище,
Причесавшись и побрившись.

Знаю я, кому придется
В этот год спуститься в землю,
Кто из смертных, из живущих,
Кувырнется, захлебнется.

Кто-то лысый – полосатый,
В красных брюках, в пестрых перьях,
Важно шел петушьим шагом,
Тонконогий и пузатый.

Кто-то длинный, очень длинный,
В черном фраке, в черной шляпе,
Шел, размашисто шагая,
Многозвездный, многочинный.

Кто-то, радостями съеден,
В туго стянутом корсете,
Раздушен и разрумянен,
Проносился вял и бледен.

Шли какие-то мундиры,
Камергеры, гоф-фурьеры,
Экс-жандармы, виц-министры,
Пехотинцы, кирасиры.

Шли замаранные люди,
Кто в белилах, кто в чернилах,
Шли забрызганные грязью,
Кто по шею, кто по груди.

Шли – и в землю опускались...
Громко каркали вороны,
На болоте выла выюга
И лягушки откликались.

На кладбище

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стучаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой
Кто-то ежится, ворочает землей,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,

Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стучал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стучаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

«Ходит ветер избочась...»

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Все ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Воет жалким воем
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в песнях ваших,
Сказок муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

«Ночь. Темно. Глаза открыты...»

Ночь. Темно. Глаза открыты,
И не видят, но глядят;
Слышу, жаркие ланиты
Тонким бархатом скользят.
Мягкий волос, набегая,
На лице моем лежит,
Грудь, тревожная, нагая,
У груди моей дрожит.
Недошептанные речи,
Замиранье жадных рук,
Холодеющие плечи...
И часов тяжелый стук.

Думы

**«Да, я устал, устал,
и сердце стеснено...»**

Да, я устал, устал, и сердце стеснено!
О, если б кончить как-нибудь скорее!
Актер, актер... Как глупо, как смешно!
И что ни день, то хуже и смешнее!
И так меня мучительно гнетут
И мыслей чад, и жажда снов прошедших,
И одиночество... Спроси у сумасшедших,
Спроси у них – они меня поймут!

«Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед...»

Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед
И то, что сделано, то сделать было нужно.
Шумит, работает, надеется народ;
Их мелочь радует, им помнить недосужно...

А все же холодно и пусто так кругом,
И жизнь свершается каким-то смутным сном,
И чутся сквозь шум великого движенья
Какой-то мертвый гнет большого запустенья;

Пугает вечный шум безумной толчеи
Успехов гибнущих, ненужных начинаний
Людей, ошибшихся в избрании призваний,
Существ, исчезнувших, как на реке струи...

Но не обманчиво ль то чувство запустенья?
Быть может, устают, как люди, поколенья,
И жизнь молчит тогда в каком-то забытии.
Она, родильница, встречает боль слезами
И ловит бледными, холодными губами
Живого воздуха ленивые струи,
Чтобы, заслышав крик рожденного созданья,
Вздохнуть и позабыть все, все свои страданья!

Невменяемость

Есть в земном творении облики незримые,
Глазу незаметные, чудеса творящие,
Страшно ненавистные, горячо любимые..
Целый мир обманчивый в этот мир внося

В жизни человеческой, в важные мгновения,
Облики незримые вдруг обозначаются,
В обаянье подвига, в злобе преступления
Нежданно, негаданно духом прозреваются.

С ними все незримое видимым становится,
В гробовом молчании разговоры слышатся,
Что-то небывалое в жизнь вступить готовится,
Все основы мыслей, как тростник, колышутся...

Человек решается... и в его решении
Мир несуществующий в обликах присутствует,
Он зовет на подвиги, тянет к преступлению
И, совсем по-своему вразумив, напутствует...

Нас двое

Никогда, нигде один я не хожу,
Двое нас живут между людей:
Первый – это я, каким я стал на вид,
А другой – то я мечты моей.

И один из нас вполне законный сын;
Без отца, без матери – другой;
Вечный спор у них и ссоры без конца;
Сон придет – во сне все тот же бой.

Потому-то вот, что двое нас, – нельзя,
Мы не можем хорошо прожить:
Чуть один из нас устроится – другой
Рад в чем может только б досадить!

«Когда бы как-нибудь для нас возможным стало...»

Когда бы как-нибудь для нас возможным стало
Вдруг сблизить то, что в жизни возникало
На расстояньях многих-многих лет, —
При дикой красоте негаданных сближений
Для многих чувств хотелось бы прощений...
Прощенья нет, но и забвенья нет.

Вот отчего всегда, везде необходимо
Прощать других... Для них проходит мимо
То, что для нас давным-давно прошло,
Что было куплено большим, большим страданьем,
Что стало ложью, бывши упованьем,
Явилось светлым, темным отошло...

«За то, что вы всегда от колыбели лгали...»

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались,
Обманутая жизнь – не даст вам ничего!

В больнице всех скорбящих

Еще один усталый ум погас...
Бедняк играет глупыми словами...
Смеется!.. Это он осмеивает нас,
Как в дни былые был осмеян нами.

Слеза 'мирская в людях велика!
Велик и смех... Безумные плодятся...
О, берегитесь вы, кому так жизнь легка,
Чтобы с безумцем вам не побрататься!

Чтоб тот же мрак не опустился в вас;
Он ближе к нам, чем кажется порою...
Да кто ж, поистине, скажите, кто из нас
За долгий срок не потемнел душою?

LUX AETERNA¹

Когда свет месяца бесстрастно озаряет
Заснувший ночью мир и все, что в нем живет,
Порою кажется, что свет тот проникает
К нам, в отошедший мир, как под могильный свод.

И мнится при луне, что мир наш – мир загробный,
Что где-то, до того, когда-то жили мы,
Что мы – не мы, послед других существ, подобный
Жильцам безвыходной, таинственной тюрьмы.

И мы спуем по ней какими-то тенями,
Чужды грядущему и прошлое забыв,
В дремоте тягостной, охваченные снами,
Не жизнь, но право жить как будто сохранив...

¹ Вечный свет (*лат.*).

В Киеве ночью

Спит пращур городов! А я с горы высокой
Смотрю на очерки блестящих куполов,
Стремящихся к звездам над уровнем домов,
Под сенью темною, лазурной и стоокой.
И Днепр уносится... Его не слышу я,
За далью не шумит блестящая струя.

О нет! Не месяц здесь живой красе причина!
Когда бы волю дать серебряным лучам
Скользить в безбрежности по темным небесам,
Ты не явилась бы, чудесная картина,
И разбежались бы безмолвные лучи,
Чтоб сгинуть, потонуть в неведомой ночи.

Но там, где им в пути на землю пасть случилось,
Чтобы светить на то, что в тягостной борьбе,
Так или иначе, наперекор судьбе,
Бог ведает зачем, составилось, сложилось —
Иное тем лучам значение иметь:
В них мысль затеплилась! Ей пламенем гореть!

Суть в созданном людьми, их тяжкими трудами,
В камнях, не в лучах, играющих на них,
Суть в исчезанье сил, когда-то столь живых.
Сил, возникающих и гибнущих волнами, —

А кроткий месяц тут, конечно, ни при чем
С его бессмысленным серебряным лучом.

На публичном чтении

Когда великий ум в час смерти погасает,
Он за собою вслед потомству оставляет,
Помимо всяких дел, еще и облик свой,
Каким он в жизни стал за долгою борьбой.,
И вот к нему тогда радетели подходят
И, уверяя всех, что память мертвых чтут,
В душе погаснувшей с фонариками бродят,
По сокровеннейшим мечтам ее снуют, —
В догадках, вымыслах и выводах мудреных
Кошунствуют при всех и, на правах ученых,
В любезном чаянье различных благостынь
Немытою рукой касаются святынь...

«Я задумался и – одинок остался...»

Я задумался и – одинок остался;
Полюбил и – жизнь великой степью стала;
Дружбу я узнал и – пламя степь спалило;
Плакал я и – василиски нарождались.

Стал молиться я – пошли по степи тени;
Стал надеяться и – свет небес погаснул;
Проклял я – застыло сердце в страхе;
Я заснул – но не нашел во сне покоя...

Усомнился я – заря зажглась на небе,
Звучный ключ пробился где-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая в цветах зазеленела...

Будущим могиканам

Да, мы, смирясь, молчим... в конце концов —
бесспорно!..

Юродствующий век проходит над землей,
Он развивает ум старательно, упорно
И надсмехается над чувством и душой.

Ну, что ж? Положим так, что вовсе не позорно
Молчать сознательно, но заодно с толпой;
В веселье чувственности сытой и шальной
Засмеивать печаль и шествовать покорно!

Толпа всегда толпа! В толпе себя не видно;
В могилу заодно сойти с ней не обидно;
Но каково-то тем, кому судьба – стареть

И ждать, как подрастут иные поколения
И окружат собой их, ждущих отпущенья,
Последних могикан, забывших умереть!

«Кто вам сказал, что ровно половина...»

Кто вам сказал, что ровно половина
Земли, та именно, что в ночь погружена,
Где темнота царит, где звезды светят зримо,
Вся отдана успокоению сна?
Бессонных множество! Смеясь или кляня,
Они проводят в ночь живую ярость дня!
Кто вам сказал, что ровно половина
Земли вертящейся объята светлым днем?
А все образчики классической дремоты,
Умов, охваченных каким-то столбняком?
Нет! Полон день земли, в котором бьемся мы,
Духовной полночью, смущающей умы.

«Где только крик какой раздастся иль стенанье...»

Где только крик какой раздастся иль стенанье —
Не все ли то равно: родной или чужой —
Туда влечет меня неясное призванье
Быть утешителем, товарищем, слугой!

Там ищут помощи, там нужно утешенье,
На пиршестве тоски, на шабаше скорбей,
Там страждет человек, один во всем творенье,
Кружась сознательно в волнении зыбей!

Он делает круги в струях водоворота,
Бессильный выбраться из бездны роковой,
Без права на столбняк, на глупость идиота
И без виновности своей или чужой!

Ему дан ум на то, чтоб понимать крушенье,
Чтоб обобщать умом печали всех людей
И чтоб иметь свое, особенное мненье
При виде гибели, чужой или своей!

«Где только есть земля, в которой нас зарюют...»

Где только есть земля, в которой нас зарюют,
Где в небе облака свои узоры ткут,
В свой час цветет весна, зимою вьюги воют,
И отдых сладостный сменяет тяжкий труд.

Там есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобен и суров,
То все же можно жить, исполнить назначенье;
А где же нет земли, весны и облаков?

Но если к этому прибавить то, что было,
Мечты счастливые и встречи прежних лет,
Как, друг за дружкой, то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не был сед;

Как с однолетками мы время коротали,
Как жизни смысл и цель казались ясней, —
Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали
Полузабывшихся, но не пропавших дней.

«Край, лишенный живой красоты...»

Край, лишенный живой красоты,
В нем намеки одни да черты,
Все неясно в нем, полно теней,
Начиная от самых людей;
Если плачут – печаль их мелка,
«Если любят – так любят слегка,
Вял и медлен неискренний труд,
Склад всей жизни изношен и худ,
Вечно смутен, тревожен их взгляд,
Все как будто о чем-то молчат...
Откровенной улыбки в них нет,
Ласки странны, двусмыслен совет...
Эта бледность породы людской
Родилась из природы самой:
Цепи мелких, пологих холмов,
Неприветные дебри лесов,
Реки, льющие волны сквозь сон,
Вечно серый, сырой небосклон...
Тяжкий холод суровой зимы,
Дни, бессильные выйти из тьмы,
Гладь немая безбрежных равнин —
Ряд не конченных кем-то картин...
Кто-то думал о них, рисовал,
Бросил кисти и сам задремал...

На судеговоренье

Там круглый год, почти всегда,
В угрюмом здании суда,
Когда вершить приходит суд,
Картины грустные встают;
Встают одна вослед другой,
С неудержимой быстротой,
Из мыслей, слов и дел людских,
В чертах, до ужаса живых...

И не один уж ряд имен
В синодик скорбный занесен,
И не с преступников одних
Спадают вдруг личины их:
Простой свидетель иногда
Важней судимых и суда;
Важней обоих их порой
Мы сами, в общем, всей толпой!

Но в грудах всяких, всяких дел,
Подлогов, взломов, мертвых тел,
Бессильной воли, злых умов,
Уродства чувств и фальши слов
И бесконечных верениц
Холодных душ и нервных лиц, —
Заметна общая черта:

Незрелой мысли пустота!

Воплощение зла

Читали ль вы когда, как Достоевский страждет,
Как в изученье зла запутался Толстой?
По людям пустозвон, а жизнь решений жаждет,
Мышленье блудствует, безжалостен закон...
Сплелись для нас в венцы блаженства и мученья,
Под осененьем их дают морщины лбы;
Как зримый признак их, свой венчик отпущенья
Уносим мы с собой в безмолвные гробы.
Весь смутный бред страстей, вся тягота угара,
Весь жар открытых ран, все ужасы, вся боль —
В могилах гасятся... Могилы – след пожара —
Они, в конце концов, счастливая юдоль!

А все же надобно бороться, силы множить,
И если зла нельзя повсюду побороть,
То властен человек сознательно тревожить
Его заразную губительную плоть.
Пуская мысль на мысль, деянье на деянье,
В борьбе на жизнь и смерть слагать свои судьбы...
Ведь церковь божия, вещая покаянье,
Не отрицает прав возмездья и борьбы.

Зло не фантастика, не миф, не отвлеченность!
Добро – не звук пустой, не призрак, не мечта!
Все древле бывшее, вся наша современность

Полна их битвами и кровью залита.
Ни взвесить на весах, ни сделать измеренья
Добра и зла – нельзя, на то нет средств и сил.
Забавно прибегать к чертам изображенья;
Зачем тут – когти, хвост, Молох, Сатаниил?
Легенда древняя зло всячески писала.

По-своему его изображал народ,
Испуганная мысль зло в темноте искала,
В извивах пламени и в недрах туч и вод.
Зачем тут видимость, зачем тут воплощенья,
Явленья демонов, где медленно, где вдруг —
Когда в природе всей смысл каждого движенья —
Явленье зла, страданье, боль, испуг...
И даже чистых дум чистейшие порывы
Порой отравой зла на смерть поражены,
И кажутся добры, приветливы, красивы
Все ухищрения, все козни сатаны.

Как света луч, как мысль, как смерть, как тяготенье,
Как холод и тепло, как жизнь цветка, как звук —
Зло несомненно есть. Свидетель – все творенье!
Тут временный пробел в могуществе наук:
Они покажут зло когда-нибудь на деле...
Но был бы человек и жалок и смешон,
Признав тот облик зла, что некогда воспели
Дант, Мильтон, Лермонтов, и Гете, и Байрон!

Меняются года, мечты, народы, лица,

Но вся земная жизнь, все, все ее судьбы —
Одна-единая мельчайшая частица
Борьбы добра и зла и следствий той борьбы!
На Патмосе, в свой день, великое виденье
Один, из всех людей, воочию видал —
Борьбы добра и зла живое напряженье...
Пал ниц... но – призванный писать – живописал!

В костеле

Толпа в костеле молча разместилась.
Гудел орган, шла мощная кантата,
Трубили трубы, с канцеля светилось
Седое темя толстого прелата;
Стуча о плиты тяжелой булавою,
Ходил швейцар в галунном, красном платье;
Над алтарем, высоко над стеною
В тени виднелось Рубенса «Распяты»...
Картина ценная лишь по частям видна:
Христос, с черневшей раной прободенья,
Едва виднелся в облаке куренья;
Ясней всего блистали с полотна:
Бока коня со всадником усатым,
Ярлык над старцем бородатым
И полногрудая жена....

На рауте

Людишки чахлые, – почти любой с изъяном!
Одно им нужно: жить и не тужить!
Тут мальчик с пальчик был бы великаном,
Когда б их по уму и силе чувств сравнить.
А между тем все то, что тешит взоры,
Все это держится усильями подпор:
Не дом стоит – стоят его подпоры;
Его прошедшее – насмешки и позор!
И может это все в одно мгновенье стинуть,
Упорно держится бог ведает на чем!
Не молотом хватить, – на биржу вексель кинуть —
И он развалится, блестящий старый дом...

В театре

Они тень Гамлета из гроба вызывают,
Маркиза Позы речь на музыку кладут,
Христа-Спасителя для сцены сочиняют,
И будет петь Христос так, как и те поют.

Уродов буффонад с хвостатыми телами,
Одетых в бабочек и в овощи земли,
Кривых подагриков с наростами, с горбами
Они на божий свет, состряпав, извлекли.

Больной фантазии больные порожденья,
Одно других пошлей, одно других срамней,
Явились в мир искусств плодами истощенья
Когда-то здравых сил пролгавшихся людей.

Толпа валит смотреть. Причиною понятной
Все эти пошлости нетрудно объяснить:
Толпа в нелепости, как море, необъятной,
Нелепость жизни жаждет позабыть.

«Да, трудно избежать для множества людей...»

Да, трудно избежать для множества людей
Влиянья творчеством отмеченных идей,
Влиянья Рудиных, Раскольниковых, Чацких,
Обломовых! Гнетут!.. Не тот же ль гнет цепей,
Но только умственных, совсем не тяжких, братских...
Художник выкроил из жизни силуэт;
Он, собственно, ничто, его в природе нет!
Но слабый человек, без долгих размышлений,
Берет готовыми итоги чуждых мнений,
А мнениям своим нет места прорасти, —
Как паутиною все затканы пути
Простых, не ломаных, здоровых заключений,
И над умом его – что день, то гуще тьма
Созданий мощного, не своего ума...

Женщина и дети

«Будто месяц с шатра голубого...»

Будто месяц с шатра голубого,
Ты мне в душу глядишь, как в ручей...
Он струится, журча бестолково
В чистом золоте горних лучей.

Искры блещут, что риза живая...
Как был темен и мрачен родник —
Как зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущий лик!..

«Ты сидела со мной у окна...»

Ты сидела со мной у окна.
Все дома в темноте потонули.
Вдруг глядим: заалела стена,
Искры света по окнам мелькнули.

Видим: факелы тащат, гербы,
Ордена на подушках с кистями,
В мрачных ризах шагают попы
И чернеют в огнях клубуками;

Дроги, гроб! И от гроба в огне
Будто зарево нас освещало...
Ты так быстро склонилась ко мне,
Жить желая во что бы ни стало!

«О, в моей ли любви не глубоко...»

О, в моей ли любви не глубоко!
Ты мне в сердце, голубка, взгляни:
Сколько зависти в нем и порока?!
И какие пылают огни?!

В тех великих огнях, недвижима,
Вся в священном дыму алтарей,
Ты, как 'идол пылающий, чтима
Беспредельной любовью моей...

«Мне ее подарили во сне...»

Мне ее подарили во сне;
Я проснулся – и нет ее! Взяли!..
Слышу: ходят часы на стене, —
Встал и я, потому что все встали.

И брожу я весь день, как шальной,
И где вижу, что люди смеются, —
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться!

Невеста

В пышном гробе меня разукрасили, —
А уж я ли красой не цвела?
Восковыми цветами обставили, —
Я и так бесконечно светла!

Медью темной глаза– придавили мне —
Чтобы глянуть они не могли;
Чтобы сердце во мне не забилося, —
Образочком его нагнели!

Чтоб случайно чего не сказала я, —
Краткий срок положили – три дня!
И цветами могилу засыпали,
И цветы придушили меня...

«Я ласкаю тебя, как ласкается бор...»

Я ласкаю тебя, как ласкается бор
Шумной бурей, в темень одетой!
Налетает она, покидая простор,
На устах своих с песней запетой.

Песня бури сильна! Чуть в листву залетит —
Жизнь лесную до недр потрясает,
Рвет умершую ветвь, блеклый лист не щадит,
Все отжившее наземь кидает...

И ты бурю за песню ее не кори,
Нет в ней злобы, любви к разрушенью:
Очищает прогалины краскам зари
И простор соловьиному пенью...

«Тебя он в шутку звал старушкой...»

Тебя он в шутку звал старушкой,
Тобою жил для добрых дел,
Тобой был весел за пирушкой,
Тобой был честен, горд и смел!

В него глаза твои светили...
Так луч, в глубь церкви заронен,
Идет по длинной ленте пыли
Играть под ризами икон.

Погасла ты, и луч затмился,
Мрак человека обуял,
И не поверить: как светился
В той тьме крошечной – идеал?!

В бурю

Я приехал к тебе по Леману;
И сердит, и взволнован Леман!
И оделись Савойские Альпы
В темно-серый, свинцовый туман.

В небесах разыгралась буря,
Из ущелий гудят голоса;
Опалил мне лицо мое ветер,
Растрепал он мои волоса...

И гуляли могучие волны,
Я над ними веселый скользил
И с вершин их по пенистым скатам
Глубоко, глубоко уходил.

Буря шла и в тревожном величье
Раздавить собиралась меня;
Только смерть от меня сторонилась —
Был я весел и полон огня.

И я верил, что мне не погибнуть,
Что я кончу назначенный путь,
Что я должен предстать пред тобою,
И нельзя мне, нельзя утонуть!

«Вот она, моя дорога...»

Вот она, моя дорога, —
В даль далекую манит...
Только – с ивой у порога
Подле домик твой стоит.

Точно руки, простирает
Ива ветви вдоль пути
И пройти мне в даль мешает,
Чуть задумаю пройти.

Днем пытался – сил не хватит...
Ночью... Ночью я бы мог,
Да вот тут-то кто-то схватит
И поставит на порог.

Ну и взмолишься у двери:
Ты пусти меня, пусти!
Ночь... разбойники и звери
Разгулялись на пути!

«В костюме светлом Коломбины...»

В костюме светлом Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завесью окна.
И маска на сторону сбилась;
Полуоткрыт поблекший рот...
Чего тем ртом не говорилось?
Теперь он в первый раз не лжет!

«Во всей красе, на утре лет...»

Во всей красе, на утре лет
Толпе ты кажешься виденьем!
Молчанье первым впечатленьем
Всегда идет тебе вослед!

Тебе дано в молчанье этом
И в удивлении людей
Ходить, как блещущим кометам
В недвижных сферах из лучей.

И, как и всякая комета,
Смущая блеском новизны,
Ты мчишься мертвым комом света
Путем, лишенным прямизны!

«В красоте своей долго старея...»

В красоте своей долго старея,
Ты чаруешь людей до сих пор!
Хороши твои плечи и шея,
Увлекателен, быстр разговор.

Бездна вкуса в богатой одежде;
В обращеньи изящно-вольна!
Чем же быть ты должна была прежде,
Если ты и теперь так пышна?

В силу хроник, давно уж открытых,
Ты ходячий, живой мавзолей
Ряда целого слуг именитых,
Разорившихся в службе твоей!

И гляжу на тебя с уваженьем:
Ты финансовой силой была,
Капиталы снабдила движеньем
И, как воск, на огне извела!

«Часть бесконечности – в прошлом году закатился...»

Часть бесконечности – в прошлом году закатился...
Женщину знаю одну; кто она – не скажу, я солгу!
К Новому году каким бы желаньем я ей прислужился?
Что бы сказал из того, что желать и сказать я могу?!
Я бы сказал, подойдя к ней, смотря в ее глазки,
Я бы сказал ей, как будто отец своей дочке родной:
«Слушай! Останься, как эта царица таинственной
сказки, —
Неизменяема временем с вечной своей красотой!
Все хорошо у тебя, потому что сама ты не знаешь,
Что хорошо у тебя... Ты живешь, как живется тебе;
Ты говоришь – так, как думаешь; думаешь так, как
мечтаешь...
Это так редко, родная... О, будь благодарна судьбе!
Будь благодарна за то, что пока в тебе чувство играло,
Сердце оно не разбило, слезой не ослабило глаз...
Сильное чувство, родная, тебя до сих пор миновало;
Истинно сильное чувство рождается один только раз!
Нет, я не смел бы, отдавшись тебе, обязать быть моею!
Если не мне, так другим освещай долгий путь...
Ты... ты из тех, что прекрасны свободой своею;
Этой свободы лишиться – значит то же, что смертью
дохнуть!..

Жизнь ли моя виновата, а может, и сам я причина, —
Только – тебе я не ровень... Я знаю: я весь —
полутень;
Я точно родина наша – безбрежная гладь да равнина,
Только местами сияют кресты на церквах деревень».

«Слышишь: поют по окрестности птицы...»

Слышишь: поют по окрестности птицы;
Вдоль по дороге колеса стучат;
Ясно несется к нам в блеске денницы
Звук колокольчиков вышедших стад.

Видишь, как тень под древесною сенью
Кружевом ходит и быстро скользит...
Видишь: трава под подвижною тенью
Тоже колыхается, гнется, блестит!

О, отвечай мне! В желаньях могучих
Сердце в груди так восторженно бьет!
Да! Под сиянием глаз твоих жгучих
Всеми цветами душа зацветет!

О, отвечай! И, забывши тревогу,
Так буду счастлив я с этого дня,
Так буду весел, что людям и богу
Весело будет глядеть на меня!

Облик песни

Ты запой, ребенок милый,
Песню... Как ее слова?
Ту, что, помнишь, мать певала,
Как была она жива.

Я той песни, славной песни,
Забываю склад и лад,
Ты же всю, малютка, помнишь...
Пой, дитя, я слушать рад.

Пой, а я по синим глазкам
И по голосу – начну
Вспоминать, сзывать и строить
Золотую старину...

Пусть звучит, плывет и блещет
Из-за слез моих очей
По тебе, мой сиротинка,
Облик матери твоей.

Колыбельная песенка

Ты засни, засни, моя милая,
Дай подушечку покачаю я,
Я головушку поддержу твою
И тебя, дитя, убаюкаю.

Тихий детский сон, ты приди, сойди,
Наклонися к ней, не давя груди,
Не целуй до слез, не пугай дитя, —
Учи ласкою, вразумляй шутя.

Жизнь учить начнет, против воли гнет,
Вразумит тогда, как всего сомнет,
Зацелует в смерть, заласкает в бред
И, позвав цвести, не допустит в цвет...

Ночь темна, молчит, смотрит букою?!
Хорошо ли так я баюкаю?
Сон спасительный, сон, голубчик мой,
Поскорей отца от дитяти скрой!..

Не может быть

О, неужели он, он – этот скарб и хлам
Надежд, по счастью для людей, отживших,
Больных страстей, так. страшно говоривших,
Сил, устремлявшихся к позорнейшим делам, —
Вот этот человек, – таким же был когда-то,
Как этот сын его, прелестное дитя,
В котором, грезами неведенья объято,
Сознание теплится, играя и блестя!
В котором поступь, взгляд, малейшие движенья
Полны такой простой, изящной красоты!
В уме которого все мысли, все мечты
Одни лишь светлые, счастливые виденья,
А чувства – отпрыски тепла и тишины
Какой-то внутренней, чудеснейшей весны! —
Дитя, что молится так искренне, так свято
И говорит с людьми от третьего лица...
О, чтоб отец таким же был когда-то!..
Ищите вы ему не этого отца...

«Словно как лебеди белые...»

Словно как лебеди белые
Дремлют и очи сомкнули,
Тихо качаясь над озером, —
Так ее чувства уснули...

Словно как лотосы нежные,
Лики сокрыв восковые,
Спят над глубокой пучиной, —
Грезы ее молодые.

Вы просыпайтесь, лебеди,
Троньте струю голубую!
Вы раскрывайте же, лотосы,
Вашу красу восковую!

В небе заря, утро красное...
Здесь я... и жду пробужденья,
Светом любви озаряемый
В тихой мольбе песнопенья.

Песня лунного луча

Светлой искоркой в окошко
Месяц к девушке глядит...
«Отвори окно немножко». —
Месяц тихо говорит.

Дай прилечь вдоль белых складок
Гостю, лунному лучу,
Верь мне, все придет в порядок,
Чуть над сердцем посвечу!

Успокою все сомненья,
Всю печаль заговорю,
Все мечты, все помышленья,
Даже сны посеребряю!

Что увижу, что замечу,
Я и звездам не шепну,
И вернусь к заре навстречу,
Побледневши, на луну...»

«О, если б мне хоть только отраженье...»

О, если б мне хоть только отраженье,
Хоть слабый свет твоих чудесных снов,
Мне засветило б в сердце вдохновенье,
Взошла заря над теменью годов!

В струях отзвучий ярких песнопений,
В живой любви с тобой объединен,
Как мысль, как дух, как бестелесный гений,
От жизни взят – я перешел бы в сон!

«Погас заката золотистый трепет...»

Погас заката золотистый трепет...
Звезда вечерняя глядит из облаков...
Лесной ручей усилил робкий лепет
И шепот слышится от темных берегов!

Недолго ждать, и станет ночь темнее,
Зажжется длинный ряд всех, всех ее лампад,
И мир заснет... Предстань тогда скорее!
Пусть мы безумные... Пускай лобзанья – яд!

«Ты нежней голубки белокрылой...»

Ты нежней голубки белокрылой,
Ты – рубин блестящий, огневой!
Бедный дух мой, столько лет унылый,
Краской жизни рдеет пред тобой.

В тихом свете кроткого сиянья,
Давних дней в прозрачной глубине
Возникают снова очертанья
Прежних чувств, роившихся во мне.

Можно ль верить – верить ум не смеет! —
Будто этот наших чувств расцвет —
Будет день – пройдет и побледнеет,
Погрузившись в мертвый холод лет...

«Когда, приветливо и весело ласкаясь...»

Когда, приветливо и весело ласкаясь,
Глазами, полными небесного огня.
Ты, милая моя, головкой наклоняясь,
Глядишь на дремлющего в забытии меня;

Струи младенческого, свежего дыханья
Лицо горячее мне нежно холодят,
И сквозь виденья сна и в шепоте молчанья
Сердца в обоих нас так медленно стучат, —

О, заслони, закрой головкою твоею
Весь мир, прошедшее, смысл завтрашнего дня,
Мечту и мысль... О, заслони ты ею
Меня, мой друг, от самого меня ..

«Я люблю тебя, люблю неудержимо...»

Я люблю тебя, люблю неудержимо,
Я стремлюсь к тебе всей, всей моей душой!
Сердцу кажется, что мир проходит мимо,
Нет, не он идет – проходим мы с тобой.

Жизнь, сближая этих, этих разлучая,
Шутит с юностью нередко невпопад!
Если искреннее обниму тебя я —
Может быть, что нас тогда не разлучат...

Разлука

Ты понимаешь ли последнее прости?
Мир целый рушится и новый возникает...
Найдутся ль в новом светлые пути?
Весь в неизвестности лежит он и пугает.
Жизнь будет ли сильна настолько, чтоб опять
Дохнуть живым теплом мне в душу ледяную?
Иль, может быть, начав как прежде обожать,
Я обманусь, принявши грезу злую
За правду и начав вновь верить, вновь мечтать
О чудной красоте своих же измышлений,
Почту огнем молитвенных стремлений
Ряд пестрых вымыслов, нисколько не святых,
И этим вызову насмешку уст твоих?

«Не погасай хоть ты, – ты, пламя золотое...»

Не погасай хоть ты, – ты, пламя золотое,
Любви негаданной последний огонек!
Ночь жизни так темна, покрыла все земное,
Все пусто, все мертво, и ты горишь не в срок!
Но чем темнее ночь, сильней любви сиянье;
Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мне все равно: свои ли я желанья,
Чужие ль горести в пути ногой топчу,
Родные ль под ногой могилы попираю,
Назад ли я иду, иду ли я вперед,
Неправ я или прав, – не ведаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведет...
В движеньи этом жизнь так ясно ощутима,
Что даже мысль о том, что и любовь – мечта,
Как тысячи других, мелькает мимо, мимо,
И легче кажутся и мрак, и пустота...

«Весла спустив, мы катились, мечтая...»

Весла спустив, мы катились, мечтая,
Сонной рекою по воле челна;
Наши подвижные тени, качая,
Спать собираясь, дробила волна.

Тени росли, удлиняясь к востоку,
Вышли на берег, на пашни, на лес —
И затерялись, незримые оку,
Где-то, должно быть, за краем небес...

Тени! Спасибо за то, что пропали!
Много бы вас разглядело людей;
Слишком бы много они увидали
В трепетных очерках этих теней...

«Возьмите всё – не пожалею...»

Возьмите всё – не пожалею!
Но одного не дам я взять —
Того, как счастлив был я с нею,
Начав любить, начав страдать!

Любви роскошные страницы —
Их дважды в жизни не прочесть,
Как стае странствующей птицы
На то же взморье не присесть.

Другие волны, нарождаясь,
Дадут отлив других теней,
И будет солнце, опускаясь,
На целый длинный год старей.

А птицам в сроки перелетов
Придется убыль понести,
Убавить путников со счетов
И растерять их по пути...

Из чужого письма

Я пишу тебе, мой добрый, славный, милый,
Мой хороший, ненаглядный мой!
Скоро ль глянет час свиданья легкокрылый,
Возвратятся счастье и покой!

Иногда, когда кругом меня все ясно,
Светлый вечер безмятежно тих,
Как бы я тебя к себе прижала страстно,
Ты, любимец светлых снов моих!

Мне хотелось бы, чтоб все, что сознаю я, .
Став звездой, с вечернею зарей
Понеслось к тебе, зажгло для поцелуя,
Так, как я зажглась теперь тобой!

Напиши ты мне, бывает ли с тобою,
Как со мной, не знаю отчего,
Я стремлюсь к тебе всей, всей моей душою,
Обнимаю я тебя всего...

Напиши скорее: я тебе нужна ли
Так, как ты мне? Но смотри не лги!
Рвешь ли письма, чтоб другие не читали?
Рви их мельче и скорее жги.

И теперь... Но нет, мой зов совсем напрасен;
Сердце бьется, а в глазах темно...
Вижу, почерк мой становится неясен...
Завтра утром допишу письмо...

Приди!

Дети спят. Замолкнул город шумный,
И лежит кругом по саду мгла!
О, теперь я счастлив, как безумный,
Тело бодро и душа светла.

Торопись, голубка! Ты теряешь
Час за часом! Звезд не сосчитать!
Демон сам с Тамарою, ты знаешь,
В ночь такую думал добрым стать...

Спит залив, каким-то духом скован,
Ветра нет, в траве роса лежит;
Полный месяц, словно очарован,
Высоко и радостно дрожит.

В хрустале полуночного света
Сводом темным дремлет сад густой;
Мысль легка, и сердце ждет ответа!
Ты молчишь? Скажи мне, что с тобой?

Мы прочтем с тобой о Паризине,
Песней Гейне очаруем слух...
Верь, клянусь, я твой навек отныне;
Клятву дал я, и не дать мне двух.

Не бледней! Послушай, ты теряешь
Час за часом! Звезд не сосчитать!
Демон сам с Тамарою, ты знаешь,
В ночь такую думал добрым стать...

Лирические

«Дай мне минувших годов увлечения...»

Дай мне минувших годов увлечения,
Дай мне надежд зоревые огни,
Дай моей юности светлого гения,
Дай мне былые мятежные дни.

Дай мне опять ошибаться дорогами,
Видеть их страхи вдали пред собой,
Дай мне надежд невозможных чертогами
Скрашивать жизни обыденный строй;

Дай мне восторгов любви с их обманами,
Дай мне безумья желаний живых,
Дай мне погаснувших снов с их туманами,
Дум животворных и грез золотых;

Дай – и возьми всю уверенность знания,
Всю эту ношу убитых страстей,
Эту обдуманность слов и деяния
В мерном теченьи и в знаньи людей.

Все ты возьми, в чем не знаю сомнения,
В правде моей – разуверь, обмани, —
Дай мне минувших годов увлечения,
Дай мне былые, мятежные дни!..

Бандурист

На Украине жил когда-то,
Телом бодр и сердцем чист,
Жил старик, слепец маститый,
Седовласый бандурист.

В черной шапке, в серой свитке
И с бандурой на ремне,
Много лет ходил он в людях
По родимой стороне.

Жемчуг – слово, чудо – песни
Сыпал вещей с языка.
Ныли струны на бандуре
Под рукою старика.

Много он улыбок ясных,
Много вызвать слез умел
И, что птица божья, песни
Где приселось – там и пел.

Он на песню душу отдал,
Песней тело -прокормил;
Родился он безымянным,
Безымянным опочил...

Мертв казак! Но песни живы;
Все их знают, все поют!
Их знакомые созвучья
Сами так вот к сердцу льнут!

К темной ночке, засыпая,
Дети, будущий народ,
Слышат, как он издалека
В песне матери поет...

Разбитая шкуна

Так далеко от колыбели
И от родимых берегов
Лежит она, как на постели,
В скалах, пугая рыбаков.

Чужие вихри обвевают,
Чужие волны песнь поют,
В морскую зелень одевают
И в грудь надломленную льют.

И на корме ее размытой,
Как глаз открытый, неживой,
Глядит с доски полуразбитой
Каких-то букв неполный строй...

Да, если ты, людей творенье,
Подобно людям прожила, —
Тебя на жертву, на крушенье,
На злую смерть любовь вела.

Твой кормчий сам, своей рукою
Тебя на гибель вел вперед:
Один, безмолвный, над кормою
Всю ночь сидел он напролет...

Забыв о румбах и компасе,
Руля не слыша под рукой,
Он о далеком думал часе,
Когда судьба вернет домой!

Вперив глаза на звезды ночи,
За шумом дум не слыша струй,
Он на любовь держал, на очи,
На милый лик, на поцелуй...

«Наш ум порой, что поле после боя...»

Наш ум порой, что поле после боя,
Когда раздастся ясный звук отбоя:
Уходят сомкнутые убылью ряды,
Повсюду видятся кровавые следы,
В траве помятой лезвия мелькают,
Здесь груды мертвых, эти умирают,
Идет, прислушиваясь к звукам, санитар,
Дает священник людям отпущенья —
Слоится дым последнего кажденья...
А птичка божия, являя ценный дар,
Чудесный дар живого песнопенья,
Присев на острый штык, омоченный в крови,
Поет, счастливая, о мире и любви...

«В немолчном говоре природы...»

В немолчном говоре природы,
Среди лугов, полей, лесов,
Есть звуки рабства и свободы
В великом хоре голосов...

Коронки всех иван-да-марий,
Вероник, кашек и гвоздик
Идут в стога, в большой гербарий, —
Утратив каждая свой лик!

Нередко видны на покосах,
Вблизи усталых косарей —
Сидят на граблях и на косах
Певцы воздушные полей.

Поют о чудных грезах мая,
О счастье, о любви живой,
Поют, совсем не замечая
Орудий смерти под собой!

Кариатиды

Между окон высокого дома,
С выраженьем тоски и обиды,
Стерегут парчевые хоромы
Ожерельем кругом карьятиды.
Напряглись их могучие руки,
К ним на плечи оперлись колонны;
В лицах их – выражение муки,
В грудях их – поглощенные стоны.
Но не гнутся те крепкие груди,
Карьятиды позор свой выносят;
И – людьми сотворенные люди —
Никого ни о чем не попросят...
Идут годы – тяжелые годы,
Та же тяжесть им давит на плечи;
Но не шлют они дерзкие речи
И не вторят речам непогоды.
Пропечет ли жар солнца их кости,
Проберет ли их осень ветрами,
Иль мороз назовется к ним в гости
И посыплет их плечи снегами,
Одинаково твердо и смело
Карьятиды позор свой выносят
И – вступить за правое дело
Никого никогда не попросят...

На мотив Микеланджело

О ночь! Закрой меня, когда – совсем усталый —
Кончаю я свой день. Кругом совсем темно;
И этой темнотой как будто сняты стены:
Тюрьма и мир сливаются в одно.

И я могу уйти! Но не хочу свободы:
Я знаю цену ей, я счастья не хочу!
Боюсь пугать себя знакомым звуком цепи, —
Припав в углу, я, как и цепь, молчу...

Возьми меня, о ночь! Чтоб ничего не видеть,
Ни чувствовать, ни знать, ни слышать я не мог,
Чтоб зарождения чувств и проблеска сознания
Я как-нибудь в себе не подстерег...

Миф

И летит, и клубится холодный туман,
Проскользая меж сосен и скал;
И встревоженный лес, как великий орган,
На скрипящих корнях заиграл...

Отвечает гора голосам облаков,
Каждый камень становится жив...
Неподвижен один только – старец веков —
В той горе схоронившийся Миф.

Он в кольчуге сидит, волосами оброс,
Он от солнца в ту гору бежал —
И желает, и ждет, чтобы прежний хаос
На земле, как бывало, настал...

На плотине

Как сочится вода сквозь прогнивший постав,
У плотины бока размывает,
Так из сердца людей, тишины не сыскав,
Убывает душа, убывает...

Надвигается вкруг от сырых берегов
Поросль вязкая моха и тины!
Не певать соловьям, где тут ждать соловьев
На туманах плывучей трясины!

Бор погнил... Он не будет себя отражать,
Жить вдвойне... А зима наступает!
И промерзнет вода, не успев убежать,
Вся, насквозь... и уже замерзает!..

Карфаген

Не в праздничные дни в честь славного былого,
Не в честь творца небес или кого другого
Сияет роскошью, вконец разубрана,
В великом торжестве прибрежная страна.
От раннего утра, проснувшись с петухами,
Весь город на ногах. Он всеми алтарями,
Зажженными с зарей, клубится и дымит,
И в переливах струн, и в трелях флейт звучит.
От храмов, с их колонн, обвешанных цветами,
Струится свежестью; над всеми площадями,
В венках, блистающих лавровою листвою,
Ряд бронзовых фигур темнеет над толпой.
По главному пути, где высятся гробницы,
Одни вослед другим грохочут колесницы;
С них шкуры львиные блистают желтизной
И поднимают пыль, влачась по мостовой.
Цвет жизни, молодость собою воплощая,
Проходят девушки, листьями пальм махая;
Все в пурпуре, ряды старейшин вдоль трибун
Сидят в дыму огней и в рокотаньи струн;
В безмолвной гавани товаров не таскают;
Нет свадеб по городу; суды не заседают;
Не жгут покойников... Все, все молчат дела,
Вся жизнь на торжество великое пошла...

Честь победителю! Исполнено призванье!
Ему весь этот блеск и жизни замиранье,
И пламя алтарей, и мягкий звук струны,
Терпенье мертвого, венчанье старины
И ликования всех бедных и богатых...
Ему триумфы дня, ему разврат ночной,
Где яркий пурпур тог, смешавшись с белизной
Одежд девических, разорванных, помятых,
Спадет с широких лож на мягкие ковры...
Ему струя вина, ему азарт игры...

И только два лица в народе том молчали,
Во имя истинной и признанной печали:
И были эти два – философ и поэт...
Они одни из всех молчали! Сотни лет
Прошли с тех давних пор. И нынче там в огромных
Развалинах – шакал гнездится в щелях темных
И правдою веков, великой степи в тон,
Наложен царственно несокрушимый сон...

На сторону тех двух, которые молчали,
Все перешло молчать! И из безмолвной дали
Степей явилась смерть с пескамн заодно —
Случилось то, что им казалось – быть должно!

Ночь и день

Ночи зарождается здесь, на земле, между нами...
В щелях и темных углах, чуя солнце, таится;
Глянуть не смеет враждебными свету очами!
Только что время наступит, чтоб ей пробудиться, —
Быстро ползут, проявляясь везде, ее тени,
Ищут друг дружку, бесшумно своих нагоняют,
Слившись в великую тьму, на небесные сени
Молча стремятся и их широко наводняют...
Только не гасят они ярких звезд, их сияний!
Звезды – следы световые минувшего дня,
Искрятся памятью прежних, хороших деяний,
День загорится от их мирового огня.

День опускается с неба. Глубокою тьмою
В сырость и холод чуть видными входит лучами;
Первым из них погибать! – Им не спорить с судьбою...
Но чем светлее, тем больше их бьется с тенями;
Шествует день, он на дальнем востоке зажегся!
Солнца лучи полны жизни, стремленья и красок,
Каждый на смерть за великое дело обрекся!
Воины неба, малютки без брони и касок,
Мчатся и гонят ленивые тени повсюду,
И воцаряется день и его красота...
И озаряет погибшего за ночь Иуду

И, по дороге к селу Эммаусу, – Христа!

«В душе шел светлый пир. В одеждах золотых...»

В душе шел светлый пир. В одеждах золотых
Виднелись на пиру: желанья, грезы, ласки;
Струился разговор, слагался звучный стих,
И пенился бокал, и сочинялись сказки.

Когда спускалась ночь, на пир являлся сон,
Туманились огни, виденья налетали,
И сладкий шепот шел, и несся тихий звон
Из очень светлых стран и из далекой дали...

Теперь совсем не то. Под складками одежд,
Не двигая ничуть своих погасших ликов,
Виднеются в душе лишь остовы надежд!
Нет песен, смеха нет и нет заздравных кликов.

А дремлющий чертог по всем частям сквозит,
И только кое-где, под тяжким слоем пыли,
Светильник тлеющий дымится и коптит,

Прося, чтоб и его скорее погасили...

Молодежи

И что ж?! давно ль мы в жизнь вступали
И безупречны, и честны;
Трудились, ждали, создавали,
А повстречали – только сны.

Мы отошли – и вслед за нами
Вы тоже рветесь в жизнь вступить,
Чтоб нами брошенными снами
Свой жар и чувства утолить.

И эти сны, в часы мечтанья,
Дадут, пока в вас кровь тепла,
На ваши ранние лобзанья
Свои покорные тела...

Обманут вас! Мы их простили
И верим повести волхвов:
Волхвы; давно оповестили,
Что мир составился из снов!

«Шли путем неведомым...»

Шли путем неведомым...
Шли тропинкой скрытою,
Бог весть кем проложенной
И почти забытою!..

В, сердце человеческом
Есть обетованные
Тропочки закрытые,
Вовсе безымянные!

Под ветвями темными
Издавна проложены,
Без пути протоптаны,
Без толку размножены...

И по ним-то крадутся,
По глубокой темени,
Чувства непонятные
Без роду, без племени...

Чувства безымянные,
Сироты бездомные,
Робкие, пугливые,
Иногда нескромные...

«По небу быстро поднимаясь...»

По небу быстро поднимаясь,
Навстречу мчась одна к другой,
Две тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой!

Темны, как участь близкой брани,
Небесных ратников полки,
Подъяты по ветру их длани
И режут воздух шишаки!

Сквозят их мрачные забрала
От блеска пламенных очей...
Как будто в небе места мало
И разойтись в нем нет путей?

Подле сельской церкви

Свежая пыль с цветов раскрытых,
Семья полуночных ветров
Несет, в пылинках, тьмой повитых,
Рассаду будущих цветов!

В работе робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплет всюду горстью полной
Свои живые семена!

Терясь в каменных наростах
Гробниц, дряхлеющих в гербах,
Они плодятся на погостах
И у крестов, и на крестах.

Кругом цветы!.. Цветам нет счета!
И, мнится, сквозь движенья их
Стремятся к свету из-под гнета
Былые силы душ людских.

Они идут свои печали
На вешнем солнце осветить,
Мечтать, о чем не домечтали,
Любить, как думали любить...

Камаринская

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» – «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть, —
Знаем, видим – лучше смерть как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!
Истомилось, измаялось оно;
Столько горя, нужды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свету ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

Спетая песня

Пой о ней, голубушка певунья,
Пойте, струны, ей в ответ звеня!
Улетай, родившаяся песня,
Вслед за светом гаснущего дня.

Ты лети созданием темной ночи,
В полутьме, предшествующей ей,
За последним проблеском заката,
Впереди стремящихся теней...

Может быть, что между днем и ночью, .
Не во сне, но у пределов сна,
По путям молитв, идущих к богу,
Скорбь земли за далью не слышна!

Может быть, что там, далеко, где-то,
В мирный час, когда бессонный спит,
Гаснет память, не влекут желанья,
Спит любовь и ненависть молчит, —

Ты найдешь покой неизъяснимый,
Жизни, смерти и себе чужда!..
И земля к своей поблекшей груди
Не сманит беглянки никогда!..

Про старые годы

Не смейся над песнею старой
С напевом ее немудреным,
Служившей заветною чарой
Отцам нашим, нежно влюбленным!

Не смейся стихам мадригалов,
Топорщенью фижм и манжетов, —
Вихрам боевых генералов,
Качавшимся в лад менуэтов!

Над смыслом альбомов старинных,
С пучками волос неизвестных,
С собранием шалостей чинных,
Забавных, но, в сущности, честных.

Не смейся!— Те вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили,
И матери нас воспитали!

«Где нам взять веселых звуков...»

Где нам взять веселых звуков,
Как с веселой песней быть?
Грусти дедов с грустью внуков
Нам пока не разобщить...

Не буди ж в груди желанья
И о счастье не мечтай, —
В вечной повести страданья
Новой песни не рождай.

Тех спроси, а их немало,
Кто покончил сам с собой, —
В жизни места не достало,
Поискали под землей...

Будем верить: день тот глянет,
Ложи великая пройдет,
Горю в мире тесно станет,
И оно себя убьет!

«Ох! Ответил бы на мечту твою...»

Ох! Ответил бы на мечту твою, —
Да не срок теперь, не пора!
Загубила жизнь добрых сил семью,
И измает ночь до утра.

Дай мне ту мечту, жизнь счастливую,
Засветившую мне в пути,
В усыпальницу молчаливую
Сердца бедного отнести.

В нем под схидами, власяницами
Спят все лучшие прежних сил,
Те, что глянули в жизнь зарницами
И что мрак земли погасил...

Прежде и теперь

1

Спокоен ум... В груди волнение...
О, если б только не оно —
Нашла бы жизнь успокоенье,
Свершивши то, что быть должно...

Но нет! Строй духа безнадежный,
Еще храня остатки струн,
Дает на голос отклик нежный,
И дико мечется бурун

Живых надежд и ожиданий
В ущелья темных берегов,
Несовершившихся желаний
И неисполнившихся снов...

И мнится: кто-то призывает
Вернуться вновь в число живых,
Тревожит, греет, обещает...
Но голос тот зовет других!

Обманет их... Обнимет степью

И ночью, так же как меня,
Назло, в упрек великолепью
Едва замеченного дня!

2

И вернулся я к ним после долгих годов,
И они все так рады мне были!
И о чем уж, о чем за вечерним столом
Мы не вспомнили? Как не шутили?

Наши шумные споры о том и другом,
Что лет двадцать назад оборвались,
Зазвучали опять на былые лады,
Точно будто совсем не кончались.

И преемственность юных, счастливейших дне
Та, что прежде влекла, вдохновляла,
Будто витязя труп под живую водой,
В той беседе для нас – оживала...

3

О, где то время, что, бывало,
В нас вдохновение играло

И воскурялся фимиам
Теперь поверженным богам?

Чертогов огненных палаты
Горели – яркие и богаты;
Был чист и светел кругозор!
Душа стремилась на простор,

Неслась могуществом порыва
Назло непрочному уму,
На звук какого-то призыва,
Бог весть зачем, бог весть к чему!

Теперь все мертвенно, все бледно...
То праздник жизни проходил,
Сиял торжественно, победно,
Сиял... и цвет свой обронил.

4

В глухом безвременье печали
И в одиночестве немом
Не мы одни свой век кончали,
Объяты странным полусном.

На сердце – желчь, в уме – забота,
Почти во всем вразумлены;

Холодной осени дремота
Сменила веянья весны.

Кто нас любил – ушли в забвенье,
А люди чуждые растут,
И два соседних поколенья
Одно другого не поймут.

Мы ждем, молчим, но не тоскуем,
Мы знаем: нет для нас мечты...
Мы у прошедшего ворует
Его завядшие цветы.

Сплетаем их в венцы, в короны,
Порой смеемся на пирах...
Совсем, совсем Анакреоны,
Но только не в живых цветах.

«Когда обширная семья...»

Когда обширная семья
Мужает и растет,
Как грустно мне, что знаю я
То, что их, бедных, ждет.
Соблазна много, путь далек!
И, если час придет,
Судьба их родственный кружок
Опять здесь соберет!
То будет ломаный народ
Борцов-полукалек,
Тех, что собой завалят вход
В двадцатый, в лучший век...
Сквозь гробы их из вечной тьмы
Потянутся на свет
Иные, лучшие, чем мы,
Борцы грядущих лет.
И первым добрым делом их,
Когда они придут,
То будет, что отцов своих
Они не проклянут.

«Нет, жалко бросить мне на сцену...»

Нет, жалко бросить мне на сцену
Творенья чувств и дум моих,
Чтобы заимствовать им цену
От сил случайных и чужих,
Чтобы умению актера
Их воплощенье поручать,
Чтоб в лжи кулис, в обмане взора
Им в маске правды проступать;
Чтоб, с завершеньем представленья,
Их трепет тайный, их стремленья —
Как только опустеет зал,
Мрак непроглядный обуял.

И не в столбцах повествованья
Больших романов, повестей
Желал бы я существованья
Птенцам фантазии моей;
Я не хочу, чтоб благосклонный
Читатель в длинном ряде строк
С трудом лишь насладиться мог,
И чтобы в веренице темной
Страниц бессчетных лишь порой
Ронял он с глаз слезу живую,
Нерукотворную, святую,
Над скрытой где-нибудь строкой,

И чтоб ему, при новом чтеньи,
Строки заветной не сыскать...
Нет обаянья в повтореньи,
И слез нельзя перечитать!

Но я желал бы всей душою
В стихе таинственно-живом
Жить заодно с моей страной
Сердечной песни бытием!
Песнь – ткань чудесная мгновенья —
Всегда ответит на призыв;
Она – сердечного движенья
Увековеченный порыв;
Она не лжет! Для милых песен
Великий божий мир не тесен;
Им книг не надо, чтобы жить;
Возникшей песни не убить;
Ей сроков нет, ей нет предела,
И если песнь прошла в народ
И песню молодость запела, —
Такая песня не умрет!

Старый божок

Освещаясь гаснущей зарей,
Проступая в пламени зарницы,
На холме темнеет под сосной
Остов каменный языческой божницы.

Сам божок валяется при ней;
Он без ног, а все ему живется!
Старый баловень неведомых людей
Лег в траву и из травы смеется.

И к нему, в забытый уголок,
Ходят женщины на нежные свиданья...
Там языческий покинутый божок
Совершает тайные венчанья...

Всем обычаям наперекор чудит,
Ограничений не ведая в свободе,
Бог свалившийся тем силен, что забыт,
Тем, что служит матушке-природе...

«О, не брани за то, что я бесцельно жил...»

О, не брани за то, что я бесцельно жил,
Ошибки юности не все за мною числи,
За то, что сердцем я мешать уму любил,
А сердцу жить мешал суровой правдой мысли.

За то, что сам я, сам нередко разрушал
Те очаги любви, что в холод согревали,
Что сфинксов правды я, безумец, вопрошал,
Считал ответами, когда они молчали.

За то, что я блуждал по храмам всех богов
И сам осмеивал былые поклоненья,
Что; думав облегчить тяжелый гнет оков,
Я часто новые приковывал к ним звенья.

О, не брани за то, что поздно сознаю
Всю правду лживости былых очарований
И что на склоне дней спокойный я стою
На тихом кладбище надежд и начинаний.

И всё-таки я прав, тысячекратно прав!
Природа – за меня, она – мое прощенье;
Я лгал, как лжет она, и жизнь и смерть признав,

Бессильна примирить любовь и озлобленье.

Да, я глубоко прав, – так, как права волна,
И камень и себя о камень разрушая:
Все – подневольные, все – в грезах полусна,
Судеб неведомых веленья совершая.

На чужбине

Ночь, блеска полная... Заснувшие пруды
В листьях кувшинчиков и в зелени осоки
Лежат, как зеркала, безмолвствуя цветут
И пахнут сыростью, и кажутся глубоки.

И тот же ярких звезд рисунок в небесах,
Что мне на родине являлся в дни былые;
Уснули табуны на скошенных лугах,
И блещут здесь и там огни сторожевые.

Ударил где-то час. Полночный этот бой,
Протяжный, медленный, – он, как двойник, походит
На тот знакомый мне приветный бой часов,
Что с церкви и теперь в деревню нашу сходит.

Привет вам, милые картины прежних лет!
Добро пожаловать! Вас жизнь не изменила;
Вы те же и теперь, что и на утре дней,
Когда мне родина вас в душу заронила

И будто думала: когда-нибудь в свой срок
Тебя, мой сын, судьба надолго в даль потянет,
Тогда они тебя любовно посетят,
И рад ты будешь им, как скорбный час настанет

Да, родина моя! Ты мне не солгала!
О, отчего всегда так в жизни правды много,
Когда сама судьба является вершить,
А воля личная – становится убога!

Привет вам, милые картины прежних лет!
Как много, много в вас великого значенья!
Во всем – печаль, разлад, насилье и тоска,
И только в вас одних – покой и единенье...

Покоя ищет мысль, покоя жаждет грудь,
Вселенная сама найти покой готова!
Но где же есть покой? Там, где закончен путь:
В законченном былом и в памяти бывшего.

«Вдоль бесконечного луга...»

Вдоль бесконечного луга —
Два-три роскошных цветка;
Выросли выше всех братьев,
Смотрят на луг свысока.

Солнце палит их сильнее,
Ветер упорнее гнет,
Падать придется им глубже,
Если коса подсечет...

В сердце людском чувств немало...
Два или три между них
Издавна крепко внедрились,
Стали ветвистей других!

Легче всего их обидеть,
Их не задеть – мудрено!
Если их вздумают вырвать —
Вырвут и жизнь заодно...

«Мне грезились сны золотые...»

Мне грезились сны золотые!
Проснулся – и жизнь увидал...
И мрачным мне мир показался,
Как будто он траурным стал.

Мне виделся сон нехороший!
Проснулся... на мир поглядел:
Задумчив и в траур окутан,
Мир больше, чем прежде, темнел.

И думалось мне: отчего бы —
В нас, в людях, рассудок силен —
На сны не взглянуть, как на правду,
На жизнь не взглянуть, как на сон!

Искусственная развалина

Вздумал шутник, – шутников не исправить, —
Вздумал развалину строить и древность поставить!
Глупо, должно быть, развалина прежде глядела..
К счастью, что время вмешалось по-своему в дело
Что было можно – обрушило и обломало;
Тут оно арку снесло, там камней натаскало;
Тут не по правилам косо направило фриз;
Лишним карниз показался – снесло и карниз!
Дождик, шумливый работник, ему помогая,
Стукал, долбил, потихоньку углы закругляя;
Вихорь-свистун налетал, ветерочки юлили,
Камни сверлили, чтоб камни податливей были,
Зори, румяные сестры, покровы им ткали,
Светом и тенью кроили, плющом ушивали!
Розовых пуговок вокруг расплодила восковка;
Терний пролез, растолкал, проворчав: «Так мне
ловко!»

Ива сказала: «Я ветви к земле опушу,
Ну, докажите, кто может, что я не грущу!?»
Совушка-вдовушка в трещине гнездышко свила:
«Я ли покойничка мужа в ночи не любила?
Мальчики камнем подшибли его на заборе,
Тело его в огороде висит на позоре;
Я ли по муже очей своих не проглядела,
Я пучеглазою стала, когда овдовела».

Стала в развалине совушка вещей душою,
С вечера плачется, а замолкает с зарею!..
Ну и красивой же вышла развалина, право!..
Вот и строитель в углу притаился лукаво —
Статуя в землю ушла! Из-под плотной листвы
Бронзовый очерк заметен плеч, ног, головы;
Только лица не видать, будто бедному стыдно!
Но человеческий облик из зелени видно...

Мгновения

«Каждою весною, в тот же самый час...»

Каждою весною, в тот же самый час,
Солнце к нам в окошко смотрит в первый раз.

Будет, будет время: солнце вновь придет, —
Нас здесь не увидит, а других найдет...

И с терпением ровным будет им светить,
Помогая чахнуть и ничем не быть...

Зернышко

Зернышко овсяное искренно обрадовалось, —
Счастье-то нежданное! Корешком прокрадывалось
Смело и уверенно по земле питательной,
В блеске солнца вешнего – ласки обаятельной...

Лживою тревогою зернышко смутилось:
Над большой дорогою прорасть пустилось!
Мнут и топчут бедное... Солнце жжет лучом...
Умерло, объятое высохшим пластом!

«Что вы, травки малые, травки захудалые...»

Что вы, травки малые, травки захудалые,
Вышли вдоль дороженьки под обод, под ноженьки?

Капельки блестящие, в ливне прошумевшие,
Что поторопились – в озеро пролились?

Что ты, сердце честное, миру неизвестное,
Бьешься не по времени, не в роде, не в племени?

«Градины выпали! Счета им нет...»

Градины выпали! Счета им нет...
Подле них вишен обившийся цвет...
В царственном шествии ранней весны,
В чаяньи смерти смертельно бледны,
Бедные жертвы и их палачи
Гибнут, белея, в безлунной ночи...

«Последние из грез, и те теперь разбились...»

Последние из грез, и те теперь разбились!
Чему судьба, тому, конечно, быть...
Они так долго, бережно хранились,
И им, бедняжкам, так хотелось жить...
Но карточный игрок – когда его затравят, —
По воле собственной сжигая корабли,
Спокойней прежнего, почти веселый, ставит
Свои последние, заветные рубли!

«Из твоего глубокого паденья...»

Из твоего глубокого паденья
Порой, живым могуществом мечты,
Ты вдруг уносишься в то царство вдохновенья,
Где дома был в былые дни и ты!

Горит тогда, горит неопалимо
Твоя мечта – как в полночи звезда!..
Как ты красив под краскою стыда!
Но светлый миг проходит мимо, мимо...

Кукла

Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бедная кукла! Ты так неподвижно лежала
Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась,
Руки раскинула, ясные очи закрыла...
На человека ты, кукла, вполне походила!

«Где бы ни упало подле ручейка...»

Где бы ни упало подле ручейка
Семя незабудки, синего цветка, —
Всюду, чуть с весною загудит гроза,
Взглянут незабудок синие глаза!

В каждом чувстве сердца, в помысле моем
Ты живешь незримым, тайным бытием...
И лежит повсюду на делах моих
Свет твоих советов, просьб и ласк твоих!

«Рано, рано! Глаза свои снова закрой...»

Рано, рано! Глаза свои снова закрой
И вернись к неоконченным снам!
Ночь, пришлец-великан, разлеглась над землей;
В поле темень и мрак по лесам.

Но когда – ждать недолго – час утра придет,
Обозначит и холм, и между,
Засверкают леса, – великан пропадет, —
Я тебя разбужу, разбужу...

«Отдохните, глаза, закрываясь в ночи...»

Отдохните, глаза, закрываясь в ночи,
Вслед за тем, что вы днем увидели!
Отчего-то вы, бедные, так горячи,
Отчего так глубоко устали?

Иль нельзя успокоить вас, очи, ничем,
Охладить даже полночи тьмою! —
Спишь глубоко, а видишь во сне между тем:
Те же люди идут пред тобою...

«Он охранял твой сон, когда ребенком малым...»

Он охранял твой сон, когда ребенком малым,
Бывало, перед ним ты сладко засыпал,
И солнца теплый луч своим сияньем алым
На щечках бархатных заманчиво играл.

Он сторожит твой сон теперь, когда, разбитый,
Больной, уставший жить, тревожно дремлешь ты,
И тот же луч зари на впалые ланиты
Бросает, как тогда, роскошные цветы...

Черноземная полоса

А. А. Коринфскому

«Полдневный час. Жара гнетет дыханье...»

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь, – блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блески;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередой
Идет косьба: хлеба не будут ждать!

Но это время названо страдаю, —
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

«Сколько мельниц по вершинам...»

Сколько мельниц по вершинам
Убегающих холмов?
Скрип, что музыка вдоль крыльев,
Пенье – грохот жерновов.

Вековые учрежденья,
Первобытнейший снаряд!
Всех родов нововведенья
Их нимало не страшат;

Заповеданы издревле,
Те же все, как свет, как звук.
Им – что шпаги Дон-Кихотов
Все усилия наук...

«Помню пасеку. Стояла...»

Помню пасеку. Стояла,
Скромно спрятавшись в вербе;
Полюбивший пчел сызмала,
Жил тут пасечник в избе.

За плетнем играли дети;
Днем дымок был, лай в ночи...
Хаты нет; исчезли клетки;
Видны: яма, кирпичи!

И по ним жестка, спесива,
Высясь жгучею листвою,
Людам вслед взросла крапива,
Покаянием и мздой!

«В отливах нежно-бирюзовых...»

В отливах нежно-бирюзовых,
Всем краскам неба дав приют,
В дуплистой раме куш вербовых
Лежит наш тихий, тихий пруд.

Заря дымится, пламенея!
Вон, обронен вчерашним днем,
Плывет гусиный пух, аляя,
Семьей корабликов по нем.

Уж не русалок ли бедовых
Народ, как месяц тут блистал,
Себе из перышек пуховых
Наткать задумал покрывал ?

Но петухи в свой срок пропели,
Проворно спряталась луна,
Пропали те, что ткать хотели,
Осталась плавать ткань одна!

И, эту правду подтверждая,
В огнях зари летит с полей
Гусей гогочущая стая,
Блистая рядом длинных шей.

«Утихают, обмирают...»

Утихают, обмирают
Сердца язвины, истома,
Здесь, где мало так мечтают,
Где над мраком чернозема,

В блеске солнца золотого
Над волнами ярового
Мысли ясны и спокойны,
Не сердца, но лица знойны;

Где царит одна природа:
В ней вся ласка, вся невзгода!
Где порядком затверженным
В полдня час, порою жаркой,

По дорожкам золоченым
Блеском падалицы яркой
И потоптанной соломы
Возят копны, точно дома!

Вот по селам, за плетнями,
Встали скирды! Остриями
Шапок смотрят вниз на хаты.
Так красивы, так богаты,

Уж куда, куда как выше
Самой рослой в хатах крыши!
Ночь! Виднеются во мгле
Скирды, что село в селе!

«Чернеет полночь. Пять пожаров...»

Чернеет полночь. Пять пожаров!
Столбами зарева стоят!
Кругом зажиточные села
Со всеми скирдами горят!

Иль это дьявол сам пролетом
Земли коснулся пятерней,
И жгучий след прикосновенья
Пылает в темени ночной!

И далеко пойдут по краю,
И будут в свете дня видны
В печальных лицах погорельцев
Благословенья сатаны...

«Есть, есть гармония живая...»

Есть, есть гармония живая
В нитье полуночного лая
Сторожевых в селе собак;
Никем не холены, не мыты,
Избиты, изредка лишь сыты,
Все в клочьях от обычных драк,
Они за что-то, кто их знает,
Наш сон усердно сторожат:
Пес хочет есть, избит, измят,
А все не спит и громко лает!

«По крутым по бокам вороного...»

По крутым по бокам вороного
Месяц блещет, всю озарил!
Конь! Поведай мне доброе слово!
В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
Ох, и ночь-то глубоко синя!
Да и я безмятежно настроен....
Конь, голубчик! Побалуй меня!

Ты скажи, что за девицей едем;
Что она, прикрываясь фатой,
Ждет... глаза проглядит... Нет! Мы бредим!
И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
Это сказка, чтоб конь говорил!
Но зачем же бока вороного
Месяц блеском таким озарил?

«Заросилось. Месяц ходит...»

Заросилось. Месяц ходит.
Над левадою покой;
Вдоль по грядкам колобродят
Сфинксы с мертвой головой.

Вышла Груня на леваду...
Под вербою парень ждал...
Ионийскую цикаду
Им кузнечик заменял.

Балалайку парень кинул,
За плетень перемахнул
И в подсолнечниках сгинул,
В конопельке потонул...

Заросилось. Месяц ходит.
Над левадою покой...
Вдоль по грядкам колобродят
Сфинксы с мертвой головой.

«Устал в полях, засну солидно...»

Устал в полях, засну солидно,
Попав в деревню на харчи.
В окно открытое мне видно
И сад наш, и кусок парчи
Чудесной ночи... Воздух светел...
Как тишь тиха! Засну, любя
Весь божий мир... Но крикнул петел!
Иль я отрекся от себя?

«По завалинкам у хат...»

По завалинкам у хат
Люди в сумерках сидят;
Подле кони и волы
Чуть виднеются из мглы.

Сны ночные тоже тут,
Собираются, снуют
В огородах, вдоль кустов,
На крылах сычей и сов.

Вот зеленый свет луны
Тихо канул с вышины...
Что, как если с тем лучом
Сыч вдруг станет молодцом,

Глянет девушкой сова,
Скажет милые слова,
Да и хата, наконец,
Обратится во дворец?

«Гром по лесу. Гуляет топор...»

Гром по лесу. Гуляет топор!
Дебри леса под пыткой допрошены,
Мощной дрожью объята листва,
Великаны, что травы, покошены...

Только сбросят с коней одного,
Вздых его, будто вихрь, вырывается
И прогалину чистит себе,
И, раздвинув листву, удаляется,

Удаляется в степь, говоря:
«Не шуметь бы мне мощью зеленою,
Не гореть бы в огнях зоревых
Светлой думою, солнцем зажженною...»

«Выложен гроб лоскутками...»

Выложен гроб лоскутками
Тряпочек, пестрых платков;
В церкви он на пол поставлен, —
В крае обычай таков.

В гробе ютится старушка,
Голову чуть наклоня,
Лик восковой освещают
Поздние проблески дня.

Колокол тихо ударил...
Гроб провожает село...
Пенье... Знать, кокон дубовый
На зиму сносят в дупло.

Всякий идущий за гробом
Молча лелеет мечту —
Сказано: встанет старушка
Вся и в огнях и в свету!

«Нет ограды! Не видать часовни...»

Нет ограды! Не видать часовни!
Рядом гряд могилки подняты...
Спят тут люди, все под богом ровни,
С плеч сложив тяжелые кресты.

Разоделись грядущки цветами,
Будто поле, что под пар пошло;
Вдоль борозд, намеченных гробами,
Много тени к ночи залегло...

В этот год вы, грядки, помельчали;
Помню я: вас больше было тут.
Волны смерти тихой зыбью стали,
Год еще – и вовсе пропадут.

Дождь пройдет – вершинки обмывает;
Вспашут землю, станут боронить,
Солнце выжжет, ветер заровняет...
Поле было – полю тут и быть!

Мурманские отголоски

С.С. Трубачеву

«Будто в люльке нас качает...»

Будто в люльке нас качает.
Ветер свеж. Ни дать, ни взять,
Море песню сочиняет —
Слов не может подобрать.

Не помочь ли? Жалко стало!
Сколько чудных голосов!
Дискантов немножко мало,
Но зато не счесть басов.

Но какое содержанье,
Смысл какой словам придать?
Море – странное созданье,
Может слов и не признать.

Диких волн седые орды
Тонкой мысли не поймут,
Хватят вдруг во все аккорды
И над смыслом верх возьмут.

«Цветом стальным отливают холодные...»

Цветом стальным отливают холодные,
Грузные волны полярных зыбей,
Солнца полуночи тени лиловые
Видны на палубе подле снастей;

С этим наплывом теней фиолетовых
Только лишь пушки своей желтизной
Спорят как будто; склонились, насупились,
Стынут, облитые крупной росой.

Красная искра порою взвивается
В черном дыму; оживая на миг,
Ярко блестит! Перед нею туманится
Вечного солнца полуночный лик...

«Перед бурей в непогоду...»

Перед бурей в непогоду
Разыгрались киты.
Сколько их! Кругом мелькают,
Будто темные щиты
Неких витязей подводных.
Бой незрим, но слышен гром.
Над пучиною кипящей
Ходят волны ходенем,
Проступают остриями...
Нет сомненья: под водой,
Под великими волнами,
Занялся могучий бой!
Волны – витязей шеломы,
Бури рев – их голоса!
Блещут очи... Кто на вахте?
Убирайте паруса,
Чтоб не спутаться снастями
Между дланей и мечей;
Увлекут они в пучину
Нас, непрошенных людей.
Закрывай плотнее люки!
Так! Совсем без парусов
С ними мы еще поспорим!
Ходу дай! Прибавь паров...
Налетает шквал за шквалом,

Через борт идет волна;
Грохот, посвист и шипенье,
В стройных мачтах дрожь слышна.
Не уловишь взглядом в тучах
Очертаний буревых...
Как зато повеселели
Стаи грустных птиц морских!
Кто сказал, что в буре страхи?
Под размахами ее
Вялы, робки и пугливы
Только слабость да нытье...

«След бури не исчез. То здесь, то там мелькают...»

След бури не исчез. То здесь, то там мелькают
Остатки черные разбившихся судов
И, проносимые стремниной, ударяют
И в наше судно, вдоль его боков.

Сухой, тяжелый звук! В нем слышатся отзвуки —
Следы последние погибнувших людей..
Все щепки разнесут приливы и отливы,
Опустят в недра стонущих зыбей.

Вдоль неподвижных скал стремниною несутся
Гряды подводных трав, оторванных от дна,
Как змеи длинные, их нити волокутся,
И светом их пучина зелена.

А там у берегов виднеются так ясно
Остатки корабля; расщепленное дно
До самого киля сияет ярко-красно...
У черных скал – кровавое пятно!

«Здесь, в заливе, будто в сказке...»

Здесь, в заливе, будто в сказке!

Вид закрыт во все концы;

По дуге сложились скалы

В чудодейные дворцы;

В острых очерках утесов,

Где так густ и влажен мох,

Выраженья лиц каких-то,

Вдруг застывшие врасплох.

У воды торчат, белея,

Как и скалы велики,

Груды ребр китов погибших,

Череп и позвонки.

К ним подплывшая акула

От светящегося дна

Смотрит круглыми глазами,

Неподвижна и темна,

Вся в летучих отраженьях

Высоко снующих птиц —

Как живое привиденье

В этой сказке, полной лиц!

«Доплывешь когда сюда...»

Доплывешь когда сюда,
Повстречаешь города,
Что ни в сказках не сказать,
Ни пером не описать!

Город – взять хоть на ладонь!
Ни один на свете конь
Не нашел к нему пути;
Тут и улиц не найти.

Меж домов растет трава;
Фонари – одни слова!
Берег моря словно жив —
Он растет, когда отлив;

Подавая голос свой
Громче всех, морской приборой
Свеял с этих городов
Всякий след пяти веков!

Но уж сказка здесь вполне
Наступает по весне,
Чуть из них мужской народ
В море на лето уйдет.

Бабье царство здесь тогда!
Бабы правят города,
И чтоб бабам тем помочь,
Светит солнце день и ночь!

С незапамятных времен
Сарафан их сохранен,
Златотканый, парчевой;
Кички с бисерной тесьмой;

Старый склад и старый вкус
В нитях жемчуга и бус,
Новгородский, вечевой,
От прабабок он им свой.

И таков у баб зарок:
Ждать мужчин своих на срок, .
Почту по морю возить,
Стряпать, ткать и голосить;

Если в море гул и стон —
Ставить свечи у икон
И заклятьем вещей слов
Укрощать полет ветров.

«Снега заносы по скалам...»

Снега заносы по скалам
Всюду висят бахромой;
Солнце июльское блещет, —
Встретились лето с зимой.

Ветер от запада. Талый
Снег под ногами хрустит;
Рядом со снегом, что пурпур,
Кустик гвоздики горит.

Тою же яркостью красок
В Альпах, на крайних высях,
Кучки гвоздики алеют
В вечных, великих снегах.

В Альпах, чем ближе к долинам,
Краски цветов все бледней,
Словно тускнеют, почуяв
Скучную близость людей.

Здесь – до болот ниспадает
Грань вековечных снегов;
Тихая жизнь не свежает
Яркости божьих цветов;

Дружно пылают гвоздики,
Рдеют с бесчисленных вершин
Мохом окутанных кочек,
Вспоенных влагой трясин.

«Какие здесь всему великие размеры...»

Какие здесь всему великие размеры!
Вот хоть бы лов классической трески!
На крепкой бечеве, верст в пять иль больше меры,
Что ни аршин, навешаны крючки;

Насквозь проколота, на каждом рыбка бьется...
Пять верст страданий! Это ль не длина?
Порою береова китом, белугой рвется —
Тогда страдать артель ловцов должна.

В морозный вихрь и снег – а это ль не напасти? —
Не день, не два, с терпеньем без границ
Артель в морской волне распутывает снасти,
Сбивая лед с промерзлых рукавиц.

И завтра то же, вновь... В дому помору хуже:
Тут, как и в море, вечно сир и нищ,
Живет он впроголодь, а спит во тьме и стуже
На гнойных нарах мрачных становищ.

«Здесь, говорят, у них порой...»

Здесь, говорят, у них порой
Смерть человеку облик свой
В особом виде проявляет.
Когда в отлив вода сбегает
И, между камнями, помор
Идет открытыми песками,
Путь сокращая, – кругозор
Его обманчив; под ногами
Песок не тверд; помор спешит, —
Прилив не ждет! Вдруг набежит
Отвсюду! Вот уже мелькают
Струи, бегущие назад;
То здесь, то там опережают,
Под камни льются, шелестят!
А вон, вдали, седая грива
Ползущего в песках прилива
Гудит, неистово ревет
И водометами встает...
Скорей, скорей! Но нет дороги!
Пески сдаются, вязнут ноги,
Пески уходят под ногой...
Все выше волн гудящих строй!
Их гряды мечутся высоко,
Чтоб опрокинуться потом...
Все море лезет на подъем!

Спасенья нет... Блуждает око...
Все глубже хлябь, растет прилив!
Одолеваемый песками,
Помор цепляется руками,
И он не мертв еще, он жив —
А тяжкий гул морского хора,
Чтоб крик его покрыть полней,
В великой мощности напора
Стучит миллионами камней...

«Взобрался я сюда по скалам...»

Взобрался я сюда по скалам;
С каким трудом на кручу взлез!
Внизу бурун терзает море,
Кругом, по кочкам, мелкий лес...

Пигмеи-сосенки! Лет двести
Любой из них, а вышиной
Едва-едва кустов повыше;
Что ни сучок – больной, кривой.

Лет двести жизни трудной, скучной,
И рост такой... Везде вокруг
Не шум от ветра – трепетанье,
Как будто робкий плач, испуг.

Но счастье есть и в них: не знают,
Не ведают, что поужней
Врастают сосны в три обхвата
И с пышной хвоею ветвей

И что вдали, под солнцем юга,
В морскую синь с вершин Яйлы
Сквозь сетки роз и винограда
Глядят других сестер стволы...

«Из тяжких недр земли насильственно изъяты...»

Из тяжких недр земли насильственно изъяты,
Над вечно бурною холодной волной,
Мурмана дальнего гранитные палаты
Тысячеверстной воздвиглися стеной,
И пробуравлены ледяными ветрами,
И вглубь расщеплены безмолвной жизнью льдов,
Они ютят в себе скромнейших из сынов
Твоих, о родина, богатая сынами.

Здесь жизнь придавлена, обижена, бедна!
Здесь русский человек пред правдой лицезренья
Того, что божиим веленьем сведена
Граница родины с границею творенья,
И глубь морских пучин так страшно холодна, —
Перед живым лицом всевидящего бога
Слагает прочь с души, за долгие года,
Всю тяготу вражды, всю немощность труда
И говорит: сюда пришла моя дорога!
Скажи же, господи, отсюда мне куда?

«Хоть бы молниям светиться...»

Хоть бы молниям светиться!
Тьма над морем, тьма!
Вихорь, будто зрячий, мчится —
Он сошел с ума...

Он выводит над волнами,
Из бесчисленных струн,
Гаммы с резкими скачками...
А поет бурун.

Что за свадьба? Что за пляска?
Если б увидеть!
Тьма как плотная повязка, —
Где ее сорвать...

Сердцем чуются движенья
Темных сил ночных,
Изможденные виденья,
Плач и хохот их...

«Когда на краткий срок здесь ясен горизонт...»

Когда на краткий срок здесь ясен горизонт
И солнце сыплет блеск по отмелям и лудам,
Ни Адриатики волна, ни Геллеспонт
Таким темнеющим не блещут изумрудом;

У них не так густа бывает синь черты,
Делящей горизонт на небо и на море...
Здесь вечность, в веяньи суровой красоты,
Легла для отдыха и дышит на просторе!

Из природы

На реке весной

Последним льдом своим спирая
Судов высокие бока,
В тепле весны шипя и тая,
Готова тронуться река.

На юг сияющий и знойный,
К стране счастливой, но чужой,
Ты добежишь, поток спокойный,
Своей работницей-волной.

С журчаньем нежным и печальным
Другим звездам, в вечерний час,
Иным землям и людям дальним,
Река, поведай и о нас!

Скажи, как к нам весна приходит,
Что долго ждем, что скучны дни,
Что смерть с весной здесь дружбу водит
И люди гаснут, как огни...

Рассвет в деревне

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке стоит косматый конь,
На ранний ветер уши наостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.
Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикою и медом
И теплой свежестью распаханной земли...

«Старый плющ здесь ползет...»

Старый плющ здесь ползет
Вдоль мохнатых корней;
Ель, замшившись, растет —
Вся в дремоте ветвей...
Опуститься б в тени,
Поглядеть на закат,
Как ночные огни
В небесах заблестят,
И, с темнеющим днем,
Всем своим бытием,
Как и день, отойти
На иные пути...

В листопад

Ночь светла, хоть звезд не видно,
Небо скрыто облаками,
Роща темная бушует
И бичуется ветвями.

По дороге ветер вьется,
Листья скачут вдоль дороги,
Как бесчисленные пигмеи
К великану, мне, под ноги.

Нет, неправда! То не листья,
Это – маленькие люди:
Бьются всякими страстями
Их раздавленные груди...

Нет, не люди, не пигмеи!
Это – бывшие страдания,
Облетевшие мученья
И поблекшие желанья...

Всех их вместе ветер гонит
И безжалостно терзает!
Вся дорога змеет темным
Под роями их мелькает...

Нет конца змее великой...
Вьется, бьется, копошится,
В даль и темень уползает,
Но никак не может скрыться...

Мало свету

Мало свету в нашу зиму!
Воздух темен и не чист;
Не подняться даже дыму —
Так он грузен и слоист,

Он мешается с туманом;
В нем снуют со всех сторон,
Караван за караваном,
Стаи галок и ворон...

Мгла по лесу, по болоту...
Да, задача не легка —
Пересиливать дремоту
Чуть заметного денька!

Снега

Месяц в небе высоком стоит,
Степь, покрытая снегом, блестит,
И уж сколько сияет по ней
Голубых и зеленых огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко нема тишина,
И ломается в воздухе' свет
Проплывающих звезд и планет...

Вот из белых, глубоких снегов,
На какой-то таинственный зов,
Словно белые люди встают,
И встают, и идут, и растут!

Светят лики неясные их,
И проходят одни сквозь других,
И по степи мерцает вокруг
Много, много светящихся рук...

Тучи и тени

Тучки набежали, тени раскидали,
Смотрят с неба синего, смотрят свысока,
Как легли их тени и куда упали:
На холмы, на пажити, в волны озера.

Молвят тучам тени: «Золотые гряды,
Вам ли счастья, радости, краски не даны,
Вам ли нет раздолья, вам ли нет отрады
В переливах радужных светлой вышины?»

Отвечают тучи: «Темные созданья,
Бедные завистницы долей вам чужих!
Ближе вы к юдоли плача и страданья,
Но зато вы в близости радостей людских...»

Осенний мотив

Мой старый клен с могучею листвою,
Еще ты густ, и зелен, и тенист,
А между тем чуть видной желтизною
Уже слегка озолочен твой лист.

Еще и птиц напевы голосисты,
Ты ими полн, как плеском бег реки;
Еще висят вдоль плеч твоих монисты —
Твоих семян созревших мотыльки.

В них бывший цвет – твои воспоминанья,
Остатки чувств, испытанных тобой;
Но ты сказал им только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной.

Глубокий сон зимы обледенелой
Додремлешь ты и, покидая сны,
Весь обновлен, листвою своею всецело
Отдашься ласкам будущей весны.

Для нас – не то. Хотя живут стремленья,
И в сердце песнь, и грез душа полна,
Но, старый друг, нет людям обновленья,
И жизнь идет, как нить с веретена.

Утро

Вот роса невидимо упала,
И восток готовится пылать;
Зелень вся как будто бы привстала
Поглядеть, как будет ночь бежать.

В этот час повсюду пробужденье...
Облака, как странники в плащах,
На восток сошлись на поклоненье
И горят в пурпуровых лучах.

Солнце выйдет, странников увидит,
Станет их и греть и золотить;
Всех согреет, малых не обидит
И пошлет дождем наш мир кропить!

Дождь пойдет без толку, без разбора,
Застучит по камням, по водам,
Кое-что падет на долю бора,
Мало что достанется полям!

Жальник

А. П. Миллюкову

Ну-ка! Валите и бук, и березу,
Деревце малое, ствол вековой,
Осокорь, дубы, и сосну, и лозу,
Ясень, и клен – все под корень долой!
Поле чтоб было! А поле мы вспашем;
Годик, другой – и забросим потом...
Голую землю, усталую – нашим
Детям оставим и прочь отойдем!

А уж чтоб где прибережь по дороженьке
Дерево, чтобы дало оно тень,
Чтобы под ним утомленные ноженьки
Вытянул путник в душливый день, —
Этой в народе черты не отыщется,
Ветру привольно и весело рыщется!
Сколько в далекую даль ни гляди,
Все пустота – ничего впереди!
Но остаются по лесе печальники...

Любит наш темный народ сохранять
Рожицы малые! Имя им – жальники!
Меткое имя – умеют назвать!
В местности голой совсем потонувши,

Издали видный каким-то пятном,
Жальник едва прозябает, погнувши
Ветви под тяжким, глухим бытием!..

Мощные вихри насквозь пробирают,
Солнце отвсюду бесщадно палит;
Влаги для роста куда нехватает...
Жалок ты, жальник... нерадостный вид...

Бедный ты, бедный! Совсем беззащитен...
Но бережет тебя черный народ;
Хворых березонек, чахлых ракитин
Он не изводит вконец, не дерет...
И, беспощадно снося великанов
С их глубоко разветвленных корней, —
В избах в поддонках разбитых стаканов,
В битых горшочках, на радость детей,
Всюду охотно разводит герани,
Гонит корявый лимон из зерна!..
Скромные всходы благих начинаний
Чахнут в пыли, в паутине окна...

Утро над Невой

Вспыхнуло утро в туманах блуждающих,
Трепетно, робко сказалось едва...
Точно как сеткою блессток играющих
Мало-помалу покрылась Нева!

Кой-где блеснут! В полутьне облаченные,
Высятся зданья над сонной водой,
Словно на лики свои оброненные
Молча глядятся, любуясь собой.

Света все больше... За тенью лиловою
Солнце чеканит струей огневой
Мачты судов над водой бирюзовую,
Выше их, ярче их – шпиль крепостной;

Давняя мачта! Огней прибавляется!
Блеск так велик, что где чайка крылом
Тронет волну – блеск волны разрывается,
Гребень струи проступает пятном.

Вон, пробираясь как будто с усилиями
В этом великом свету, кое-где
Ялики веслами машут, как крыльями,
Светлые капли роняя к воде...

Что-то как будто восточное, южное
Видится всюду! Какой-то налет,
Пыль перламутра, сиянье жемчужное —
Вдоль широко разгоревшихся вод...

Вот... Вот и говор пошел, и несмелое
Всюду движенье; заметен народ...
Гибнет картина, как чудное целое,
Сгинет совсем, по частям пропадет...

Ну, и тогда, если где над пучиною
Чайка заденет плывучую зыбь,
Там не пятно промелькнет над картиною —
Блестками, искрами скажется зыбь!

Наши птицы

Наши обычные птицы прелестные,
Галка, ворона и вор-воробей!
Счастливым странам не столько известные,
Сколько известны отчизне моей...

Ваши окраски все серые, черные,
Да и обличьем вы очень просты:
Клювы как клювы, прямые, проворные,
И без фигурчатых перьев хвосты.

В непогодь, вьюги, буруны, метелицы
Все вы, голубчики, тут, подле нас,
Жизни пернатой невесть что – безделицы,
Вы утешаете сердце подчас.

И для картины вы очень существенны
В долгую зиму в полях и лесах!
Все ваши сборища шумны, торжественны
И происходят у всех на глазах.

Это не то что сова пучеюкая
Или отшельница-птица челна —
Только где темень, где чаша глубокая,
Там ей приятно, там дома она!

С вами иначе. То вдруг вы слетаетесь
Стаей большой на дорогу; по ней —
Ходите, клюете и не пугаетесь
Даже нисколько людей и коней.

То вы весь вид на картину меняете,
В лес на опушку с дороги слетев,
Белую в черную вдруг обращаете,
Сотнями в снежные ветви насев.

То, как лоскутина флера, таскаетесь
Стаей крикливою вдоль по полям,
Тут подбираетесь, там раздвигаетесь
Черным пятном по бесцветным снегам.

Жизнь хоть и скромная, жизнь хоть и малая,
Хоть не большая, а все благодать,
Жизнь в испытаньях великих бывалая,
Годная многое вновь испытать...

Прощание лета

Осень землю золотом одела,
Холодея, лето уходило
И земле, сквозь слезы улыбаясь,
На прощанье тихо говорило:

«Я уйду, – ты скоро позабудешь
Эти ленты и цветные платья,
Эти астры, эти изумруды
И мои горячие объятия.

Я уйду – роскошная южанка —
И к тебе, на выставшее ложе,
Низойдет любовница другая,
И свежей, и лучше, и моложе.

У нее алмазы в ожерелье,
Платье бело и синее льдами,
Щеки бледны, очи светло-сини,
Волоса осыпаны снегами...

О мой друг! Оставь ее спокойно
Жать тебя холодной рукою:
Я вернусь, согрею наше ложе,
Утомлю и утомлюсь с тобою!»

Мефистофель

1. Мефистофель в пространствах

Я кометой горю, я звездой лечу
И куда посмотрю, и куда захочу,
Я мгновенно везде проступаю!
Означаюсь струей в планетарных парах,
Содроганием звезд на старинных осях —
И внушаемый страх – замечаю!..

Я упасть – не могу, умереть – не могу!
Я не лгу лишь тогда, когда истинно лгу, —
И я мир полюбил той любовью,
Что купила его всем своим существом,
Чувством, мыслью, мечтой, всею явью и сном,
А не только распятем и кровью.

Надо мной ли венец не по праву горит?
У меня ль на устах не по праву царит
Беспощадная, злая улыбка?!
Да, в концерте творенья, что уши дерет
И тогда только верно поет, когда врет, —
Я, конечно, первойшая скрипка...

Я велик и силен, я бесстрашен и зол;
Мне печали веков разожгли ореол,
И он выше, все выше пылает!
Он так ярко горит, что и солнечный свет,
И сиянье блуждающих звезд и комет
Будто пятна -в огне освещает!

Будет день, я своею улыбкой сожгу
Всех систем пузыри, всех миров пустельгу,
Все, чему так приятно живется...
Да скажите же: разве не видите вы,
Как у всех на глазах, из своей головы,
Мефистофелем мир создается?!

Не с бородкой козла, не на тощих ногах,
В епанче и с пером при чуть видных рогах
Я брожу и себя проявляю:
В мелочь, в звук, в ощущение, в вопрос и ответ,
И во всякое «да», и во всякое «нет»,
Невесом, я себя воплощаю!

Добродетелью лгу, преступленьем молюсь!
По фигурам мазурки политикой выюсь,
Убиваю, когда поцелую!
Хороню, сторожу, отнимаю, даю —
Раздробляю великую душу мою
И, могу утверждать, торжествую!..

2. На прогулке

Мефистофель шел, гуляя,
По кладбищу, вдоль могил...
Теплый, яркий полдень мая
Лик усталый золотил.

Мусор, хворост, тьма опенок,
Гниль какого-то ручья...
Видит: брошенный ребенок
В свертке грязного тряпья.

Жив! он взял ребенка в руки,
Под терновником присел
И, подделавшись под звуки
Детской песенки, запел:

«Ты расти и добр, и честен:
Мать отыщешь – уважай;
Будь терпением известен,
Не воруй!, не убивай!

Бога, самого большого,
Одного в душе имей;
Не желай! жены другого;
День субботний чти, говей...

Ты евангельское слово
Так, как должно, исполняй,
Как себя люби другого;
Бьют – так щеку подставляй!

Пусть блистает добродетель
Несгорающим огнем...
Амен! Амен!² Бог свидетель,
Люб ты будешь мне по нем!

Нынче время наступило,
Новой мудрости пора...
Что ж бы впрямь со мною было,
Если б не было добра?!

Для меня добро бесценно!
Нет добра, так нет борьбы!
Нужны мне, и несомненно,
Добродетелей горбы...

Будь же добр! « Покончив с пеньем,
Он ребенка положил
И своим благословеньем
В свертке тряпок осенил!

² Аминеь(лат.).

3. Преступник

Вешают убийцу в городе на площади,
И толпа отовсюду смотрит необъятная!
Мефистофель тут же; он в толпе шатается;
Вдруг в него запала мысль совсем приятная.

Обернулся мигом. Стал самым преступником;
На себя веревку помогал набрасывать;
Вздернули, повесили! Мефистофель тешится,
Начал выкрутасы в воздухе выплясывать.

А преступник скрытно в людях пробирается.
Злодеянье новое в нем тихонько зреет,
Как бы это чище, лучше сделать, думает,
Как удрать непоиманным, – это он сумеет.

Мефистофель радостно, истинно доволен,
Что два дела сделал он людям из приязни:
Человека скверного отпустил на волю,
А толпе дал зрелище всенародной казни.

4. Шарманщик

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилит,
Мучает, душит... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщик в окошко глядит!

Эту забытую песню когда-то
Слушал я иначе, слушал душой,
Слушал тайком... скрыл от друга, от брата!
Думал: не знает никто под луной...

Вдруг ты воспрянула, заговорила!
Полная неги, мечте говоришь.
Время ли, что ли, тебя изменило?
Нот не хватает – а все ты звучишь!

Значит, подслушали нас! Ударенья
Ясны и четки на. тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердце страх!

Злая шарманка пилит и хохочет,
Песня безумною стала сама,
Мысль, погасая, проклятья бормочет...
Не замолчишь ты – сойду я с ума!

Слышу, что тянет меня на отмщенье...
Но ведь то время погасло давно,
Нет тех людей... нет ее!.. Наважденье!..
Глупый шарманщик все смотрит в окно!

5. Мефистофель, незримый на рауте

В запахе изысканном,
С свойствами дурмана,
В волнах Jockey Club'a
И Pang Pang'a1
На блестящем рауте
Знати светлолобой
Мефистофель движется
Сам своей особой!
И глядит с любовью
На одежды разные,
Как блестят на женщинах
Крестики алмазные!

Общество сидело,
Тараторило,
Издевалось, лгало,
Пустословило!..
Чудилось: то были
Змеи пестрые!
В каждом рту чернели
Жала острые!
И в роскошной зале
Угощаючись,
В креслах, по диванам
Извиваючись,

Из глубоких щелей,
Из земли сырой
С сладостным шипеньем
Собрался их рой...

Чуть кто выйдет к двери —
Как кинжалами,
Вслед за ним стремятся,
Блещут жалами!
Занимались долго
С умилением,
Часто чуть не плача,
Поношением...
А когда донельзя
Иззлословились,
Задушить друг дружку
Приготовились!
А когда хозяйка —
Очень крупный змей —
Позвала на ужин
Дорогих гостей, —
Веселы все были,
Будто собрались
Вешать человека
Головою вниз!..
В запахе изысканном,
С свойствами дурмана,
В волнах Jockey Club'a

И Pang Pang'a³
Мефистофель движется,
Упиваясь фразами,
И не меркнут крестики —
Все блестят алмазами!!

³ Название духов (*англ.*).

6. Цветок, сотворенный Мефистофелем

Когда мороз зимы наляжет
Холодной тяжестью своей
И все, что двигается, свяжет
Цепями тысячи смертей;

Когда над замершею степью
Сиянье полночи горит
И, поклоняясь благолепию
Небес, земля на них глядит, —

В юдоли смерти и молчанья,
В холодных, блещущих лучах
С чуть слышным трепетом дрожанья
Цветок является в снегах!..

Нежнейших игл живые ткани,
Его хрустальные листы
Огнями северных сияний,
Как соком красок, налиты!

Чудна блестящая порфира,
В ней чары смерти, прелесть зла!
Он – отрицанье жизни мира,

Он – отрицание тепла!

Его, рожденного зимою,
Никто не видит и не рвет,
Лишь замерзающий порою
Сквозь сон едва распознает!

Слезами смерти он опрыскан,
В нем звуки есть, в нем есть напев!
И только тот цветком тем взыскан,
Кто отошел, окоченев...

7. Мефистофель в своем музее

Есть за гранью мироздания
Заколоченные зданья,
Неизведанные склады,
Где положены громады
Всяких планов и моделей,
Неисполненных проектов,
Смет, балансов и проспектов,
Не добравшихся до целей!

Там же тлеют ворохами
С перебитыми венцами
Закатившиеся звезды...

Там, в потемках свивши гнезды,
Силы темные роятся,
Свадьбы празднуют, плодятся...

В том хаосе галерея
Вьется, как в утробе змея,
Между гнили и развалин!
Щель большая! Из прогалин
Боковых, бессчетных щелей, —
От проектов и моделей
Веет сырость разложения
В этот выкидыш творенья!

Там, друзьям своим в потеху,
Ради шутки, ради смеху,
Мефистофель склад устроил:
Собрал все свои костюмы,
Порожденья темной думы,
Собрал их и успокоил!

Под своими нумерами,
Все они висят рядами,
Будто содранные шкуры
С демонической природы!
Видны тут скелеты смерти,
Астароты и вампиры,
Самотракские кабиры,
Сатана и просто черти,
Дьявол в сотнях экземпляров,
Духи мора и пожаров,
Облик кардинала Реца
И Елена – la Belezza!⁴

И в часы отдохновенья
Мефистофель залетает
В свой музей и вдохновенья
От костюмов ожидает.
Курит он свою сигару,
Ногти чистит и шлифует!
Носит фрачную он пару

⁴ Красота(ит.).

И с мундиром чередует;
Сшиты каждый по идее,
Очень ловки при движеньи...
Находясь в употребленьи,
Не имеются в Музее!

8. Соборный сторож

Спят они в храме под плитами,
Эти безмолвные грешники!
Гробы их прочно поделаны:
Все-то дубы да орешники...

Сам Мефистофель там сторожем
Ходит под древними стягами...
Чистит он, день-деньской возится
С урнами и саркофагами.

Ночью, как храм обезлюдует,
С тряпкой и щеткой обходит!
Пламя змеится и брызжет
Там, где рукой он проводит!

Жжет это пламя покойников...
Но есть такие могилы,
Где Мефистофелю-сторожу
Вызвать огонь не под силу!

В них идиоты опущены,
Нищие духом отчитаны:
Точно водой, глупой кротостью
Эти могилы пропитаны.

Гаснет в воде этой пламя!
Не откачать и не вылить...
И Мефистофель не может
Нищенства духом осилить!

9. В вертепе

«Милости просим, – гнусит Мефистофель, – войдем!
Дым, пар и копоть; любуйся, какое движенье!
Пятнами света сияют где локоть, где грудь,
Кто-то акафист поет! Да и мне слышно пенье...

Тут проявляется, в темных фигурках своих,
Крайнее слово всей вашей крещеной культуры!
Стоит, мощной побренчав, к преступленью позвать:
Все, все исполнят милейшие эти фигуры...

Слушай, мой друг, но прошу – не серчай, сделай
милость!

За двадцать три с лишком века до этих людей,
Вслед за Платоном, отлично писал Аристотель;
За девятнадцать – погиб Иисус Назарей...

Ну, а скажи мне, кто лучше: вот эти иль те,
Что, безымянные, даже и бога не знают,
В дебрях, в степях неизведанных стран народясь,
Знать о себе не дают и тайком умирают.

Ну, да и я, – заключил Мефистофель, – живу
Только лишь тем, что злой сон видит мир наяву,
Вашей культуре спасибо!..» Он руку мне сжал
И доброй ночи преискренне мне пожелал.

10. Полишинели

Есть в продаже на рынках, на тесьмах, на пружинках
Картонажные полишинели.

Чуть за нитку потянут – вдруг огромными станут!
Уменьшились, опять подлиннели...

Вот берет Мефистофель человеческий профиль,
Относимый к хорошим, к почтенным,
И в общественном мненье создает измененье
По причинам, совсем сокровенным.

Так, вот этот! Считают, что другого не знают,
Кто бы так был умен и так честен.
Все в нем складно – не худо, одним словом, что чудо!
Добр и кроток, красив и прелестен!

А сегодня открыли, всех и вся убедили,
Что, во всем он и всюду ничтожен!
Что живет слишком робко, да и глуп он как пробка,
Злом и завистью весь растревожен!

А вот этот! Сегодня, как у гроба господня
Бесноватый, сухой, прокаженный,
И поруган, и болен, и терпеть приневолен,
Весь ужасной болезнью прожженный!

Завтра – детище света! Муж большого совета,
Где и равный ему не найдется...
Возвеличился профиль! Дернул нить Мефистофель
И кривлянью фигурки смеется...

Из дневника одностороннего человека

«Из Каира и Ментоны...»

Из Каира и Ментоны,
Исполняя церкви чин,
К нам везут мужья и жены
Прах любимых половин...

В деревнях и под столицей
Их хоронят на Руси:
На, мол, жил ты за границей —
Так земли родной вкуси!

Бренным телом на подушке
Все отдай, что взял, назад...
За рубли вернув полушки,
Русский край, ты будешь рад!

«Да, нынче нравятся „Записки“, „Дневники“...»

Да, нынче нравятся «Записки», «Дневники»!
Жизнишки глупые, их мелкие грешки
Ползут на свет и требуют признанья!
Из худосочия и умственных расстройств,
Из лени, зависти и прочих милых свойств
Слагаются у нас бытописанья —
И эта пища по зубам
Беззубым нам!

«Что, камни не живут? Не может быть! Смотри...»

Что, камни не живут? Не может быть! Смотри,
Как дружно все они краснеют в час зари,
Как сохраняют в ночь то мягкое тепло,
Которое с утра от солнца в них сошло!
Какой ужасный гул идет от мостовых!
Как крепки камни все в призваниях своих, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.